

ВЕЩЬ

Анна Драницына

Анна Драницына

Вещь

Серия «Интеллектуальный триллер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57406832

Эксмо; 2023

ISBN 978-5-532-04415-9

Аннотация

В мире неожиданно, буквально за месяц, случился экономический кризис. Отныне все границы – на замке, города отрезаны друг от друга крепостными стенами, вход строго по пропускам, питание – по талонам. Сирота Арина работает в государственном архиве Петербурга, где переписывает уцелевшие фильмы в текст. Однажды к ней приходит странный старичок и просит ее тайно расшифровать несколько старых видеокассет. На них – интервью с молодой женщиной-клептоманкой, которая рассказывает о своих кражах, о странных, мистических отношениях с вещами. Старичок объясняет Арине, что в этих записях – ключ к спасению человечества.

Содержание

Глава первая	4
Кассета 1	4
Кассета 2	20
Кассета 3	61
Кассета 4	77
Глава вторая	85
Кассета 5	95
Кассета 6	108
Глава третья	122
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Анна Драницына

Вещь

Глава первая

Кассета 1

– Кассета номер один, 15 сентября, 2010 год. Несси. Тебе удобно? Подвинуть кресло ближе к столу?

– Нет, спасибо. Так хорошо.

– Попробуем начать (мужчина шелестит страницами блокнота). Хочешь, я буду задавать вопросы, либо ты сама рассказывай...

– Курить тут можно?

– Дыми сколько душе угодно. А я завистливо подышу. Бросил год назад, поклялся на Библии.

– Неплохие условия для сумасшедшей.

– Несси, давай договоримся на берегу. Никто не считает тебя сумасшедшей. Окружающие воспринимают твою выходку как этакий эпатаж, вызов нашему материальному обществу. Скажу тебе по секрету: твои друзья уже потратили кучу денег, чтобы откупиться от тех, кого ты обокрала. И если бы ты с самого начала подтвердила теорию «личного бун-

та», то загорала бы сейчас где-нибудь на Мальдивах. А так мы боимся рецидива. Говорю тебе честно – никто не знает, что дальше взбредет тебе в голову. Даже ты сама. Поэтому придется провести в клинике несколько дней. Я буду постоянно рядом. Принес вот пижаму, чтобы ночевать в соседнем кабинете.

– Ты, доктор, самый обычный человек, поэтому не понимаешь, во что ввязался. Мальдивы-рецидивы. Я бы на твоём месте бегом бежала отсюда. Пока не поздно. Они все равно вытащат меня – не помогут ни железные двери, ни решетки на окнах. А когда Марат узнает, что я пропала, он убьёт тебя.

Женщина молча курит, неподвижно глядя в точку перед собой. Доктор откашливается.

– Я немного поиграю в следователя. Начнем ещё раз. Ты украла в гостях наручные часы, чтобы привлечь к себе внимание? Так?

– Типа того. Однако боюсь, что объяснять все это слишком долго и скучно.

– Ясно. Ты не доверяешь мне. Я бы и сам не доверился человеку с небритой рожей. Но твой муж вытащил меня из постели. Я еле зубы успел почистить. Сказал, что тут вопрос жизни и смерти.

– Врет. Исключительно вопрос смерти.

– И все-таки. Мне хотелось бы услышать от тебя подробную историю произошедшего, чтобы составить себе хотя бы приблизительную картину твоего заболевания, нервного

срыва, психоза... Назови это как хочешь. Пока что мы блуждаем в темном лесу твоего подсознания со свечкой в руках. И, увы, Неша, мы не выйдем из него до тех пор, пока ты не расскажешь мне все в мельчайших подробностях. Не важно, сколько это займет времени. Я готов ждать ближайшие сто пятьдесят лет.

– Ты, может, и готов, но не Марат. Его время заканчивается, и он очень, очень торопится. – Женщина делает глубокий вдох. – Ок. Пиши – пациентка намеренно украла часы. Но не для того, чтобы получить вещь в собственность, а для того, чтобы оказаться тут, в палате с зарешеченными окнами и воняющим хлоркой туалетом.

– Уже интересно. Зачем тебе это понадобилось?

– Я хочу прекратить свой путь. Пришло время остановиться. Необходимо, чтобы ты понял, что кража дурацких часов не была экстремальной выходкой в духе Вайноны Райдер. Ей предшествовала странная и страшная жизнь в мире вещей. В мире, который отобрал у меня все. И если у тебя действительно есть время, то перед уходом я расскажу эту историю от начала и до конца. Внимай же каждому слову, чтобы передать потом эти записи Марату. Это последнее, что ему надо от меня. В ином случае мое самое лучшее фото давно бы красовалось на кладбищенском монументе. Марат даже показывал эскизы – все в мраморе, а сверху сидит белый лев.

– Лев? Почему не ангел?

– Это его тотемное животное. Его и прочих богатеньких идиотов, которые мечтают о такой могиле всю жизнь. Но тебе она не светит.

– Почему?

– Ты бесхребетный. Ни рыба ни мясо.

– В смысле?

– Топчешься на границе между принципами, как безработный на коврике будущего начальника. Из тех, кто всегда завидуют подлецам, но сами стать подлецами не могут. Кишка тонка. И мамино хорошее воспитание мешает. Поэтому ты, прикрываясь мнимой добродетелью, трешься около таких монстров, как Марат. Это твоя жена?

(Пациентка берет со стола фотографию в рамке.)

– Да.

– Красивая. Но она скоро бросит тебя. Именно потому, что ты – унылый слизень. С утра до ночи она станет выедать твой спинной мозг. Точить его маленькими остренькими зубками, как куница. Кричать о том, что выходила замуж «за подающего надежды». Посмотри же кругом, милый! Все богатые мучаются совестью, а в церковь не ходят – страшно. Боженька за такие дела по головке не погладит. А психиатр за денежки погладит тебя везде, где только пожелаешь. В самых труднодоступных местах. И вот теперь ты дошел до того, что трясешься, как облезлая болонка, перед Маратом. Потому что твоя жена этого хочет. Она и эйдосы.

– Жестко. Положи, пожалуйста, фото на место.

(Доктор пьет воду, переставляет камеру.)

– Так что с кражами? Это такая игра, насколько я понял?

– В смысле?

– Я говорю об играх, которые будоражат сексуальную фантазию. Например, в фильме «Автокатастрофа» герои любили заниматься сексом после аварии. И специально создавали для этого на дороге катастрофы. У вас не так?

– Нет, секс в моей истории идет как побочное явление. Как способ поделиться энергией вещей, если она переполняет тебя. Но такие вещи редко попадают, чтобы хотелось делиться ими. И потом, чем больше поглощаешь, тем ненасытнее становишься. А чем ненасытнее, тем жаднее. Так что делить мне с Маратом особо было нечего. Хотя вещей мы сожрали вместе и по отдельности – мама не горюй. Можешь сразу пометить себе, что эти часы, кража которых так взбудоражила общественность, были уже тысячными в длинном списке моих (или чужих?) вещей. Я давно перестала их считать.

– Уверен, ты вспомнишь самые первые.

– О да, пожалуй. Это как первые десять мужчин. Они запоминаются довольно ярко, тогда как остальные смешиваются в общем потоке слов, алкоголя и голых тел. Но что ты хочешь услышать конкретно?

– Вспомни, с чего все началось? Вспомни себя в тот момент. Что ты делала, о чем думала, какое время года было...

(Женщина задумчиво курит, потом гасит сигарету и заку-

ривает еще одну.)

– Давай вытащим из тебя файл под названием «первая кража». Сядь спокойно, облокотись и вспоминай. Какой это был день недели?

– Кажется, среда... Я всегда по средам сдаю отчеты в банке.

– Какая была погода, что ты делала в тот день, о чем думала? Закрой глаза и перенеси себя туда.

– Погода в тот день выдалась на редкость ужасная. Над бедными горожанами с утра до ночи кружили бешеные бури, а диктор по радио не уставал талдычить про «штормовое предупреждение, опасное для жизни». Я помню, что была у себя дома, еще в старой квартире на седьмом этаже, и смотрела из окна на то, как с крыши срываются и с диким грохотом падают вниз пласты железа. Я думала о том, что будет, если я выйду на улицу. В такой ситуации, говорят, надо расслабиться и позволить ветру подхватить тело, чтобы в свободном полете пронестись над землей. Тогда ничего страшного с тобой не случится. Знаешь, это как катание на волнах. Ты любишь волны? Кто-то расслабляется, и волны качают его вверх-вниз, словно в колыбели, а другой купальщик орет от страха, как резаный петух, и волны обдирают его до крови лицом о колючую гальку. Я помню, как решила начать свой полет с детской горки. Она стоит у нас во дворе, в самом центре небольшого колодца из сталинских домов. Старая советская горка с деревянной крышей, этакий большой скво-

речник для детей. На ней давно уже никто не катается, отовсюду торчат ржавые гвозди, а нижняя часть сгнила и выпирает угрожающим ржавым остовом. В основном там проводят время подростки, дымящие дешевыми сигаретами, или местные алкаши. Но в тот день никого из них и близко не было. Ветер крушил все подряд, и попадаться ему на пути было небезопасно. Как только я заберусь на крышу облезлого деревянного домика, ураган подхватит меня как пушинку и унесет на небо. А затем, покружив в диком танце с грозами и дождями, вернет на землю. Новую. В ином качестве и состоянии. По крайней мере уж точно без раздробленного на миллион кусочков сердца.

– Ты хотела умереть?

– Умереть? Ну уж нет. Мне нужно было встряхнуться. Сбросить старую кожу. Я была уверена, что, случись со мной что-то необыкновенное, я бы начала новую жизнь, прекратила бы эту безумную гонку за деньгами и навсегда забыла бы паскуду Корецкого. Была вот такая дурочка по имени Несси и однажды исчезла, улетела с птицами в теплые страны.

– Несси – это прозвище? Мне очень нравится.

– Полное имя Агнесса. Но я ненавижу его, пьяный бред моего папаши-поэта.

– Марат сказал, ты выросла в деревне? Расскажи про свою семью.

– Доктор Фрейд пытается найти комплексы, зарытые в детстве. Ничего не выйдет. Я была там вполне счастлива.

Воспитана, как и многие, в нищете и строгости советского времени.

– Давно грызешь ногти?

– Мне в начальной школе иногда по утрам мама мазала пальцы йодом, чтобы я их не обгрызала на контрольных работах. Все бесполезно. Особенно в сложные минуты жизни. Конечно, я стараюсь делать это как можно реже, чтобы не портить пальцы, но сейчас надо столько всего вспомнить, что я не удержалась. Прости.

– Можешь сгрызть хоть весь маникюр сразу, меня это не смутит. А кто были твои родители?

– Мама приехала из Таганрога и поступила в Питере на иняз. Работала переводчиком, обожала литературу. А папа был непризнанный гений, поэт. Они познакомились на каком-то зачуханном слете поэтов и писателей. Когда я родилась, они жили за городом. Папу наняли сторожить там чью-то дачу, поэтому он целыми днями ничего не делал, писал свои стишата. Нищета была страшная, как сейчас помню. Бу-тылка молока на весь день – вот и все мое пропитание. А бедная мамочка моталась каждый день в город в стильной электричке, работала в школе и брала частных учеников, чтобы хоть как-то прокормить нас. Потом им дали комнату в общежитии, но папашка вскоре ушел к другой музе. Мать к тому времени уже изрядно поистерпалась и остервенела. Она ненавидела мир, который загнал ее в такую жизнь. Ненавидела и меня заодно, потому что я была дополнительной обузой

и ответственностью. А мать была гиперответственным человеком. Я заметила одну любопытную вещь. Когда женщину насильно ставят вперед паровоза и заставляют толкать весь состав в одиночку, она превращается в такой мощный локомотив, который потом черта с два остановишь. Но при этом внутри у нее сгорает что-то очень важное. Я бы даже сказала, жизненно необходимое для счастья. Папашка спился и умер. А маман резко пошла по партийной и социальной лестнице вверх, стала заведующей кафедрой английского языка в университете. А потом дослужилась и до ректора. Я там даже училась пару лет, а потом перешла в другой институт, чтобы не позориться. Студенты ее боялись, как огня. Они замирали в коридоре, словно сурикаты, когда мать королевской походкой шла мимо, неся на голове свой царственный, тщательно залаченный кок. Она умерла от рака 10 лет назад. Мы почти не общались последние годы, она была уверена, что я занимаюсь ерундой. Ее раздражала моя молодость и красота, богатые мужчины вокруг. Она говорила, что вырастила куртизанку. Мама не понимала законов современного мира. Возможно, она и правда хотела, чтобы моя жизнь была легче, чем ее, чтобы я вышла замуж за достойного человека, родила кучу ребятишек и ни в чем не нуждалась. Мне же хотелось одного – скрутить этот мужской мир в бараний рог.

– Но мужской мир, судя по всему, оказался крепок?

– Крепкий мужской мир? Не смеши меня. Все настоящие мужики погибли в Великую Отечественную войну или сгни-

ли в лагерях. А то, что мы имеем теперь, – это чахлые потомки тех, кто отсиделся в кустах и тылах. Внуки и правнуки тех, кто предал и поэтому выжил. А женщины в войну превратились, как моя мать, в локомотивы и на своих плечах вытащили мир из говна. Теперь это суровый женский мир, товарищ доктор. Смирись с этим и слушайся дальше свою жену.

Лохнесское чудовище – так называли меня конкуренты, которых я всегда обходила на повороте, не гнушаясь никакими средствами. В делах мне было неведомо чувство страха или стыда, во имя бизнеса мне ничего не стоило переспать с кем нужно или перекупить ценных работников. Секс был для меня вполне привычным способом продвижения по социальной лестнице и нисколько не мешал моему чувству внутреннего комфорта. Попросту говоря, зачастую это было такой же необходимой рабочей рутинной, как подписание нужных бумаг или подсовывание умело замаскированной взятки нужной персоне. Я любила близких людей и железным тесаком отсекала далеких. И если бы Корецкий – мерзкий червяк, не надкусил мое сердце, а потом не выкинул бы его столь безжалостно из нашего райского садика, я бы до сих пор уверенно перла вперед, не задумываясь о нюансах бытия. Но кровь под длинными ногтями впиталась в кожу, а оттуда – в мозг, и я заразилась неуверенностью этого вологодского прохиндея.

– То есть железная леди задумалась о смерти? Тогда, в

ураган.

– Смерть смерти рознь. Я прекрасно понимала, что меня ждет, если я попрусь в такую непогоду на улицу. Один порыв ветра, и хрясь – как козявку меня раздавит гигантский билборд с тупой рекламой пылесоса «Филипс» «Сосу за копейки». А фото моих ног, торчащих из-под него, как куриные лапы из кастрюльки с супом, обойдет весь мир. Похожая история случилась с моим другом М. Однажды он почил с миром, пробив головой бачок собственного унитаза.

– Какой ужас. Как это произошло?

– Это случилось еще до того, как со мной стали происходить странные вещи. Один раз с утра я прочитала в Интернете некролог: некогда хорошо известный в деловых кругах предприниматель М. во время налетевшего с Балтики урагана умер в собственной загородной вилле, сидя на унитазе. И хотя название «вилла» – итальянское и звучит довольно помпезно для наших широт, сделана она была, так или иначе, в России. Типичное *made in Russia*. Сделано из дешевых материалов, выпилено голодными и измученными гастарбайтерами. Я хорошо знала беднягу М. Я и мой приятель архитектор Виктор искренне отговаривали его от идиотской фантазии строить дом зимой. Дело в том, что стройка предпринимателя М. была осуществлена в буквальном смысле на костях. В один из январских дней, когда стояла та самая лютая зима, от которой французыдохнут как мухи, а дети в России всего лишь не ходят в школу, молодая белокурая любовница

поселила в его лысой башке мысль о том, что «Пупсику необходимо жить на природе». Решив сэкономить на материалах, которые зимой дешевле, М. развернул за городом стройку века. У каких-то чиновников, давно и успешно моющих лапу на продаже земли в Ленобласти, он выкупил огромную территорию заброшенного пионерского лагеря на берегу озера и решил возвести там собственный мини-рай. Райчик, как он сам его называл, для богача средней руки. В райчике обязательно должно было быть два бассейна и конюшня. Четыре этажа и окна с резными ставнями. И хотя ставни давно уже не в моде, на М. они до сих пор навевали воспоминания детства. Дело в том, что когда он был маленький, то каждое лето отдыхал с родителями на даче на Финском заливе. Незадолго до перестройки дачу у папы, некогда крутого партработника, отобрали. Но резные ставни с пробивающимся по утрам сквозь них солнечным светом, который танцевал на ситцевой простыне, прыгал по руке, играл на полу, медленно заползая на печь-буржуйку, запомнились М. навсегда. Ради того, чтобы вернуть то ощущение детского счастья и покоя, которое с возрастом становится абсолютно недостижимо для суетливых обитателей мегаполиса, он был готов на все. Каждое утро его прораб приезжал на вокзал, закидывал в крытый дырявым брезентом грузовик скрюченных от холода жителей солнечного Казахстана, Узбекистана и Киргизстана и вез их строить «мечту предпринимателя». Время от времени бизнесмен и сам навещался на стройку. Глядя сквозь заинде-

вевшее стекло строительного вагончика на то, как от дикого мороза лица рабочих покрываются красной коркой, М. вместе с прорабом выпивал бутылочку «за сбыт мечт». Затем он смачно и с хрустом закусывал водку соленым огурцом, положенным в специальный пластиковый контейнер заботливым Пупсиком, и строго отдавал последние указания по поводу «обязательных полов с подогревом и чтобы «без на. ба». В разогретой работягами «Хонде» довольный собой М. мчался по трассе домой, к Пупсику под пуховое одеяло. Когда кто-то из рабочих умирал прямо на стройке от воспаления легких, прораб, недолго думая, закатывал тело в бетон. Все равно никто искать не будет. Эти странные приезжие с испуганными черными глазами были пришельцами из космоса, людьми-призраками. Никто не знал ни их имен, ни места жительства. Пришли из ниоткуда, ушли в никуда. Чужие, грязные и печальные, как инопланетяне, потерпевшие крушение на Земле, они были вынуждены отныне жить в вечном рабстве у гнусного человека. Один раз М. прислал своих черных рабов ко мне, чтобы они помогли моей фирме переехать в новый офис. Когда они таскали офисные шкафы, я спросила, как их зовут, но имена, больше похожие на отдельные гортанные звуки, тут же вылетели из головы. Запомнились только согнутые, словно в постоянном ожидании удара, жилистые шеи и грязно-черные затравленные глаза. Я дала им хорошие чаевые, и они, пятясь к двери задом из уважения ко мне, долго бормотали что-то на своем иноземном языке.

(В комнату заходит медсестра: «Я не помешаю вам?») Доктор: «Нет-нет, пожалуйста». Та протягивает женщине таблетки. Она берет их, глотает, запивая стаканом воды.)

– Рассказывай дальше. Что было потом?

– Вскоре М. позвал нас на новоселье. Незадолго до моей свадьбы, ранней весной, мы поехали с Корецким к нему в гости. Русская вилла удалась на славу – настоящий замок, окруженный глубоким рвом и кирпичным забором с колючей проволокой наверху. Внутри было очень уютно, но у меня после первого же бокала шампанского страшно разболелась голова. Как обычно, хозяин, потратив огромные деньги на все это великолепие вокруг, на шампанском решил сэкономить. Вместо приличных напитков он закупил несколько ящиков дешевой бурды, которая теперь острыми гвоздями бренчала в моей мозговой коробке. Музыка в зале вмиг стала казаться невероятно громкой, и я пошла в глубь коридора, где было тихо и прохладно. Полутемные канделябры выхватывали из темноты причудливо изогнувшиеся оленьи рога, которые служили теперь вешалкой для одежды. Головная боль пульсировала в такт моим шагам, и я, чтобы немного облегчить муки мигрени и остудить лоб, облокотилась на стену и прижалась лбом к прохладным обоям, увитыми золотыми цветами.

«Танец на костях, не правда ли? – шепнул мне неожиданно на ухо незнакомый мужчина, словно выросший из пола за моей спиной. – Теперь, когда измученные тела навсегда за-

стыли в цементе среди всей этой роскоши, для них нет больше холода и голода. Они, как невидимые атланты, изнутри подпирают дом. Возможно, стоит лишь отодрать кусок обоев с золотым тиснением, и там окажется черный внимательный глаз. Вам так не кажется?»

Не дожидаясь ответа, он пошел в другую комнату. Маленький смуглый человечек. Я даже не успела разглядеть его лица. Но, продолжая стоять, облокотившись на стену, я вдруг отчетливо почувствовала идущую сквозь нее пульсацию.

«Захер...» – грустно прошуршал из-под обоев чей-то голос.

Через секунду я почувствовала, что моя ладонь, словно покрываясь тонкой коркой льда, не может оторваться от стены. Стало вдруг очень холодно. Колючий мороз пополз по венам, медленно пробираясь к плечам и далее – в сердце. Я поняла, что если сейчас же не оторву руку, то скоро будет поздно. Как в детстве, когда шутики ради прилипаешь губами к металлической трубе, а потом со слезами и криком отдираешь от замерзшего железа окровавленный язык. Из всех сил я отдернула руку от стены и отскочила в сторону.

«Не скучаешь? – поинтересовался резво выскочивший из темноты с бокалом шампанского в руке Корецкий. – О господи, смотри у тебя кровь!»

Действительно, моя ладонь была ободрана, и подушечка около большого пальца кровоточила. Я сказала, что разбила

бокал с вином и даже не заметила, как порезалась.

Корецкий побежал к хозяйке за бинтом. Пройдя все необходимые процедуры и поойкав для приличия при виде перекиси водорода, я вскоре вновь вернулась к гостям. Шагая обратно по коридору, я бросила беглый взгляд на стену, куда недавно «приклеилась» моя рука, но не увидела там ничего особенного – ни следов борьбы, ни даже капельки крови. Лишь плетеные золотые цветы сверкали ярче обычного.

Мне было любопытно, кто же подходил в тот момент ко мне в коридоре.

Войдя в зал, я стала осматривать гостей, пытаюсь по голосу определить таинственного незнакомца. Но до тошноты визгливый голос Пупсика, которая чувствовала себя королевой в этом четырехэтажном царстве, заглушал все звуки вокруг:

«А следующей зимой мы собираемся построить двухэтажный домик для гостей. Так что милости просим...»

Кассета 2

Продержавшись в доме М. еще где-то с полчаса, я, со-
славшись на плохое самочувствие, поехала домой. Корец-
кий остался брататься с предпринимателями. Ведя машину
по плохо освещенной лесной дороге, я стала жалеть, что,
несмотря на уговоры хозяев, не осталась у них ночевать. Бы-
ло уже далеко за полночь, и помимо головы теперь разны-
лась еще и рука. На пути не было ни единого указателя, и
дорога, словно издеваясь надо мной, виляла хвостом как хо-
тела. В какой-то момент я совершенно перестала понимать,
где нахожусь, и поехала наугад. На мои телефонные звонки
ни Корецкий, ни М. не отвечали – наверное, парились в ба-
не. Наконец вдали замаячили огоньки, и я по-мотыльковски
радостно помчалась на свет. Неподалеку от дороги стоял ва-
гончик для строителей, а вокруг – огороженная забором из
проволоки территория. В окошке горел свет и, как мне пока-
залось, работало радио. Я мигом забыла про все свои боляч-
ки и выскочила из машины. Глазам не верилось, что тут мо-
жет быть, кроме меня, хоть одна живая душа. Холодный ве-
тер пронизал до костей, и я поняла, что забыла сапоги в го-
стях. Пробиравшись к домику через канаву в вечернем платье
с открытой спиной и туфлях на шпильках ужасно не хоте-
лось. Снова усевшись за руль, я посигналила несколько раз, в
надежде, что кто-нибудь выйдет из строительного вагончика

и подскажет мне, как доехать до города. Но, как только визгливо-скандальные крики машины продрались сквозь ночной лес, свет в окнах погас, и вокруг воцарилась если не мертвая, то, во всяком случае, совершенно нездоровая тишина. Мне стало страшно, и я попыталась снова завести машину, но правая рука, которую я поранила в гостях, теперь онемела и болталась сбоку чужеродной культией.

И тут я услышала шаги. Очень осторожные, пытающиеся лишний раз не шуметь и не наступать на хрустящий наст и ветки деревьев, шаги. Они аккуратно и мягко подкрадывались ко мне со всех сторон. Я изо всех сил попыталась сконцентрироваться на управлении автомобилем, но почувствовала, как от страха силы покидают меня. Такое бывает иногда во сне, а в книгах, кажется, это состояние называется «сковывающий ужас». У меня был такой же. Я не могла пошевелиться, лишь умудрилась нажать подбородком кнопку вызова на мобильном телефоне.

Бодрая финская полька веселым, механическим голосом тренькала мне в ухо, а чертов Корецкий не хотел отвечать. Его никогда не бывало рядом, когда мне плохо. Как Чеширский кот из «Алисы в стране чудес», он умел гениально в такие моменты исчезать, оставляя лишь в памяти свою шикарную улыбку с отбеленными за тысячу баксов зубами. Вот сейчас, где-то совсем рядом от этого страшного места, постукивая по крепким ягодицам березовым веником, он хохотал с предпринимателем М., демонстрируя безупречный оскал.

А тем временем ОНИ приближались ко мне со всех сторон, постепенно замыкая круг. Хруст снега стал таким громким, словно по нему маршировала рота солдат. Наконец я смогла двинуться с места и нажать кнопку, чтобы заблокировать двери машины, но было уже поздно. Они появились. Вылепившиеся из темного воздуха силуэты постепенно окрепли и стали ломиться ко мне в салон. Один из них, отвратительно улыбаясь, дернул дверцу на себя. Она приоткрылась, и я отчаянно потянула ручку, пытаясь ее захлопнуть. Это было абсолютно бесполезное занятие – от страха моя левая рука тоже перестала действовать. Я хотела закричать (хотя что толку кричать в пустом лесу?), но впала в состояние шокового оцепенения. Удивительное дело: несмотря на то что мое тело в данной ситуации напрочь отказывалось мне подчиняться, мой разум фиксировал все происходящее вокруг в мельчайших деталях. Выглядели эти лесные братья ужасно – черные пустые рты с парой передних золотых зубов, расставленных, как клыки, по бокам, рваные ватники болотного цвета, заросшие бородами физиономии. Тот, что тянул дверь на себя, просунул в щель руку с огромными черными ногтями и схватил меня за горло. Другой размахнулся чем-то тяжелым, кажется топором, и выбил заднее боковое стекло. Я молилась, чтобы все это было страшным сном, но эти двое были слишком РЕАЛЬНЫМИ. С сатанинским хохотом они выволокли меня из машины и бросили на колючий снег.

«Пожалуйста... что вы делаете?» – бормотала я.

Они стояли надо мной и хохотали как безумные, периодически подвывая. Тот, что был с топором, нагнулся и стал срывать с меня платье. От дикой вони, которая вырывалась из его рта – смеси грязи, мочи и блевотины, я начала терять сознание. Последнее, что я успела сделать, – это сорвать с ноги туфлю и изо всех ударить его острым каблуком по голове. Раздался хлюпающий звук, как будто я воткнула палку в болото, и на лбу у него появилась дыра. Крови не было, и он еще некоторое время продолжал веселиться, глядя на то, как я отчаянно барахтаюсь под ним, пытаюсь освободиться. А потом из пробитого мною отверстия, словно из прорвавшей канализации, хлынула черная и вонючая жижа. Я никогда задумывалась о том, что кровь имеет определенный запах. Честно говоря, я почему-то была уверена в том, что кровь не пахнет. Но его кровь имела запах, да еще какой! Мертвый и одновременно сладкий, удушающий запах вмиг заполонил все кругом. Липкая дрянь стала заливать мне лицо, и я, ничего не видя, двинула его наотмашь каблуком еще раз. Однако на этот раз это ему совсем не понравилось. В ярости чудовище схватило меня за руку и сорвало с нее повязку, заботливо наложенную Корецким в доме предпринимателя М. Рана сразу стала кровоточить, и он, мерзко засмеявшись-забулькав, начал медленно, но крепко сдавливать мою руку. Кровь закапала на землю, прямиком в маленькую снежную белую ямку около моего лица, постепенно наполняя ее до краев. Перед глазами поплыло, и я поняла, что скоро умру. Существо не

успокоится до тех пор, пока не выдоит меня до последней капли. Сосредоточенный, словно медсестра в районной поликлинике, он продолжал удобрять землю моей кровью. Я закрыла глаза и стала постепенно отключаться. По телу разлилось приятное тепло, и я оказалась с родителями на Черном море. Пляж был практически пуст, потому что в этот день объявили штормовое предупреждение. Огромные волны облизывали берег вплоть до самой набережной, и никто в такую погоду не смел купаться. Я подождала, пока родители, сидящие на побережье в кафе, отвлекутся, выбирая куски шашлыка получше, и побежала в воду. Волна сразу подхватила меня, потом передала меня своей еще более высокой сестре, та – следующей, и постепенно я оказалась далеко-далеко в открытом море. Я слышала взволнованные крики родителей, людей, отдыхающих на набережной, но мне уже не хотелось возвращаться назад. Лежа на спине, я качалась на волнах, которые поднимали меня все выше и выше к прозрачному, как синее стеклышко, небу. Неожиданно мои пятки коснулись чего-то мягкого и шерстяного, и я засмеялась от ощущения приятной щекотки. Я увидела, что меня посадило себе на спину загадочное белое существо с огромным рогом на лбу. Рассекая бирюзовые волны, мы быстро поплыли вперед. Я гладила его мягкую и мокрую кудрявую шкурку, и мне было безумно хорошо. Я прижималась щекой к мохнатой спине и плакала от счастья. Мне хотелось плыть так вечно, изредка заглядывая в голубую глубину, и видеть,

как под водой (или над землей?) нас огибают стаи маленьких разноцветных рыбок. Но тут мое животное затрубило-заорало диким криком и сбросило меня со спины. Я не ожидала от него такой подлости, и мне стало ужасно обидно. Плача, на этот раз уже от горя, я опускалась все ниже и ниже под воду, на самую глубину океана. Но удивительное дело – при взгляде вниз я обнаружила, что суша, оказывается, расположена внизу. Приближаясь к земле, я отчетливо различала континенты, страны, города... Гигантский цифровой зум тащил ко мне землю, и вскоре я увидела себя взрослой, в разодранном платье, лежащей на грязном, окровавленном снегу. Это было ужасно! Мне совсем не хотелось туда возвращаться, я мечтала о прекрасном белом звере и несколько раз пыталась повернуть назад, делая ногами неуклюжую попытку оттолкнуться и грести вверх. Но что-то будто тисками удерживало мою голову в одном положении, заставляя двигаться исключительно прямо и вниз. И я вернулась в лес. Надо мной стоял все тот же беззубый уродец и, замерев, разглядывал мою ладонь. Он крикнул своему напарнику, который в это время выгребал мои вещи из машины, какие-то слова на своем тарбарском языке и потряс моей рукой. Тот сразу изменился в лице и стал, отчаянно жестикулируя, громко кричать ему в ответ. Я не понимала ни слова, кроме загадочного «Захер», которое слышала в тот день уже второй раз. Завывая по-звериному, первый, нелепо закидывая ноги над сугробами, побежал в лес. Второй, немного поколебавшись, сгреб меня в

охапку и, как мешок с картошкой, плюхнул на заднее сиденье машины, заботливо расправив на груди разодранное в клочья платье. Затем убежал и снова вернулся назад с моим мобильником и туфлями в руках. Он явно раскаивался в происшедшем и, поскуливая, как собака, просительно заглядывал мне в глаза, повторяя – Захер, Захер. Он даже пытался поцеловать мне руку, но я из последних сил его оттолкнула. Завывая по-звериному дико, как и первый, он умчался в лес. С трудом осознав, что каким-то невероятным чудом спаслась от верной смерти, я, будто во сне, завела машину и на автопилоте доехала до города. Телефон Корецкого так и не отозвался на мою боль. Подъезжая к дому, я поняла, что не могу оставаться одна в таком состоянии, поэтому посреди ночи завалилась к своей подруге Верке. Увидев меня рыдающую с окровавленной рукой, босиком и в разодранном на груди платье, она кинулась звонить в полицию. Но я ее остановила. Что толку вызывать ментов, если я понятия не имею, где именно и кто на меня напал. Мне казалось, что это вовсе были нелюди. Глупо при таком раскладе отвечать на конкретные вопросы правоохранительных органов. В тот момент у меня просто не было сил придумать хоть что-то разумное. Я вообще толком не понимала, что со мной произошло и где заканчивались видения, вызванные страхом заблудившегося в ночном лесу человека, и начиналась быль.

«Все просто. Тебя чуть не изнасиловали и не убили два черных в лесу. Что тут еще можно предположить? – трезво

оценила ситуацию Верка, проделывая перед мои носом акробатические трюки с мобильным телефоном, пытаясь дозвониться в отделение. Вполне возможно, этих козлов еще можно найти по свежим следам. Уверена, они – заезжие га-старбайтеры, которые строят кому-нибудь дачу».

«Что-то странное с моей рукой. Они испугались ее».

«Ерунда. Два убийцы с топором испугались твоей царапины? Слишком лакомая добыча им попалась. Красотка в бриллиантах, на крутой тачке, одна в лесу... Думаю, их кто-то спугнул. Ты точно больше никого не видела? Может, поблизости проезжала чья-то машина?»

Мы сидели на кухне, и я большими глотками пила горячий чай с водкой и лимоном.

«Понимаешь, они не были похожи на людей. Поэтому мне кажется, что их испугало тоже что-то совершенно аномальное».

Я рассказала Верке о странных обоях, о которые поранилась, и попыталась объяснить подруге свои ощущения.

«Удивительно, но мне показалось, что в какой-то миг кто-то мне помог. Я ведь была практически в отключке и уже никак не могла сесть за руль. Я даже не помню, как доехала...»

Мои мысли стали окончательно путаться. В состоянии полубреда я вдруг подумала, что же случилось с Корецким и куда подевался по пути он, но тут же снова пришла в себя и вспомнила, что его со мной не было.

«Нешка, милая. Тебе надо успокоиться. В любом случае

ты родилась в рубашке. Страшно даже представить, что могло произойти, если бы что-то или кто-то не остановил этих ублюдков».

Постепенно мне становилось легче, да и рука окончательно перестала болеть. Я прилегла головой Верке на колени и заснула.

Много позже, когда она и Корецкий меня предали, я часто вспоминала ту страшную и странную ночь. Моя добрая и верная подруга... Она искренне поила меня чаем и убаюкивала, как ребенка, пытаясь отвлечь от ночных страхов глупыми разговорами о каких-то маловажных делах. И ночью, когда кошмар стал возвращаться и я застонала во сне, она погладила меня по голове и накрыла упавшим с кровати пледом. Спустя пару лет, когда многие события уже переломали все светлое и доброе, что было между нами, я приехала к ней в женскую колонию, чтобы задать один вопрос – почему? Почему она так поступила со мной?

Через неделю после новоселья я позвонила М. и посоветовала как можно быстрее продать виллу. Я в этом бизнесе уже собаку съела, начинала свою карьеру как агент по недвижимости и готова была ему помочь избавиться от черта в табакерке. Он был неплохой мужик, не раз выручал меня в работе, подкидывая клиентов, и мне казалось, что мой дружеский долг объяснить ему, что в таких домах люди долго не живут. Сейчас я понимаю, что настоящих аргументов на тот момент у меня не было. Я и сама толком не понимала, откуда ко мне

пришла эта уверенность, что он там долго не протянет. Разумеется, в его глазах я выглядела как завистливая каркающая дура. Удивленно он ответил, что счастлив как никогда, и посоветовал не лезть не в свое дело. А еще через неделю позволила рыдающая Пупсик и сообщила, что ее мужа больше нет. Как только с Балтики подул северный ветер, на крышу этой самой виллы завалилась огромная сосна. Будто нож, вонзающийся с размаху в сметанный торт, многовековое растение протаранило четыре этажа и намертво придавило к сливному бачку беднягу предпринимателя. Самое противное, что никогда не знаешь, где и в каком виде окажешься в момент своей смерти. Я после этого случая в самолете стараюсь не ходить в туалет. Вдруг случится авиакатастрофа и именно в этот момент мой самолет упадет. У всех трупы как трупы, сидят рядком, а ты один на дереве без штанов болтаешься. Ведь должно быть хоть в смерти человека что-то благородное? Ты как хотел бы умереть, мистер доктор?

– Честно?

– А разве мы тут шутим?

– Я банален в своем желании, Несси. Меня бы устроило просто однажды уснуть и не проснуться. Тихим зимним вечером под треск камина.

– Ничего у тебя не выйдет, если продолжишь стелиться перед Маратом и ему подобными. Заснуть-то ты, конечно, заснешь. Но когда проснешься, обнаружишь себя внутри предмета. Станешь, к примеру, вот этой дурацкой видеока-

мерой. А кто-нибудь будет на нее снимать порнуху по 24 часа в сутки. Как тебе такая перспектива?

– Может, и не самая плохая реинкарнация. Но ведь от нас ничего, увы, не зависит.

– В том-то и дело, что зависит. Ты слушай внимательно все, о чем я тут говорю, и может, у тебя еще появится шанс «просто заснуть».

Помню, на похоронах предпринимателя дождь лил как из ведра, и мы впервые серьезно поссорились с Корецким. Я сказала ему, что смерть М. ужасна в своей примитивности, но при этом она справедлива. Не знаю, кому молились гастарбайтеры – Аллаху, сатане или куриной лапке, но их явно слышали. Наш друг сполна расплатился за их страдания на лютom холоде. Тело любого человека должно быть предано земле, а не подпирать изнутри стены шикарной виллы. Мертвые атланты правильно сделали, что разрушили дом-убийцу. Корецкий вылупился на меня, как будто увидел привидение. Меньше всего он ожидал от меня услышать подобные рассуждения. Медленно переварив сказанное мной, Корецкий, как истинный юрист, многозначительно откашлялся и заявил, что данные события несправедливы с любой точки зрения, как с правовой, так и с небесной. Ведь над работягами издевался прораб, а не предприниматель М. А значит, наказания заслуживает тот, кто мучил несчастных, а не тот, кто платил за это деньги. А что касается небесной точки зрения или небесной кары, то там, как известно, тоже часто ошиба-

ются. Лучшее забирают, а говно оставляют на земле. На что я возразила, что он рассуждает как тупой русский мент с высоким званием, которому важно, чтобы в этом квартале кого угодно посадили, лишь бы отчитаться перед начальством и подогнать результаты. А что касается того, кто в этой истории говно, а кто нет, так вот это точно сверху виднее.

Он обозвал меня суеверной дурой. Корецкий был зол как черт на предпринимателя за то, что тот так не вовремя опрокинулся. Мой муж был красивой и обаятельной сволочью, и он потратил немало времени и сил, чтобы втереться к бизнесмену в доверие. Говорят, незадолго до смерти, М. даже собирался сделать его одним из акционеров своего бизнеса. Однако северный ветер все вмиг изменил. Предприниматель умер прямо на горшке, а дом с привидениями аплодировал ему резными ставнями – хлоп, хлоп, хлоп! Корецкий впервые разошелся не на шутку. До этого ему гениально удавалось прикидываться ласковым и простодушным пупсом. Орал, что это я во всем виновата. Мол, накаркала беду. А уродов черножопых, которых М. по глупости нанял, надо было всех живьем закопать, чтобы неповадно было строить здания, которые рушатся, будто домики Ниф-Нифа, от первого же дуновения ветерка. Только такая идиотка, как Несси, может увидеть в этой ситуации божественное провидение. Какая тебе разница, убили их на этой стройке, отравили крысиным ядом или они сами сдохли? Это несуществующие люди. Ты даже не знаешь их имен!

«Захер».

«Что? Какой еще на хер Захер?»

«Имя его – Захер. Один из тех, замурованный в бетоне».

«Несси, ты – сумасшедшая».

Я выпихнула Корецкого из машины прямо на шоссе. Хромая, он отошел на обочину, и в его глазах мелькнула неподдельная ненависть. Если ему и хотелось, чтобы я свихнулась, то явно не в ту сторону. Стоя в пробке по пути с кладбища домой, я рассуждала: интересно, а что чувствовал М. в последний момент своей жизни? Скорее всего, последние слова его были «Е. твою мать». И вообще интересно, сколько людей на свете умирают с этими словами? Наверное, многие из них не успевают даже договорить всю фразу до конца? Сомневаюсь, что бедняга М. хоть что-то понял о круговороте вещей в природе. Впрочем, так же, как и Корецкий. Есть те, кому это просто не дано.

* * *

Арина закончила писать, когда уже светало. Батарейка замигала красной лампочкой, и монитор старой камеры почернел. Работа увлекла не на шутку, она словно читала тайный дневник героя из далекого прошлого. Ей хотелось взять расшифровку в офис и поделиться историей с друзьями. Они всегда так делали, если попадалось что-то стоящее. Но в этот раз нельзя – она обещала старичку держать все в тайне. И хотя Арину преследовало нехорошее чувство, что она обманывает начальство, она с азартом расписывала дома бума-

ги для нового знакомого. Девушка была профессиональной шифровальщицей, ее портрет уже полгода висел на Доске почета. В Государственном Компьютерном Центре ее отдел занимался расшифровкой документальных и научно-популярных видеоматериалов (эх, как они все завидовали коллегам из игрового кино!). Ведь после Мирового кризиса вслед за экономикой рухнули и все компьютерные программы, погребя под собой тысячи полезных для истории видеоматериалов. И вот спустя 20 лет ГКЦ работал изо всех сил, пытаясь создать для потомков единую электронную базу фильмов, фотографий и литературных произведений. Очевидным было то, что видеоносители не долговечны, так же как и поставки электричества, которое давно стало большой роскошью. Поэтому в каждом отделе существовало три вида работников – электронщики, наборщики и писатели. Электронщики были элитой компании. Они ходили в красивой синей форме и сохраняли архивы в первозданном виде – на цифровом носителе, на случай, если ситуация в мире изменится к лучшему. Они обладали особыми знаниями техники и поэтому пользовались большим уважением. Наборщики, к коим относилась Арина, отсматривали материалы и переводили все происходящее на экране в текстовые файлы. Обычно это были студенты ГКЦ, которые после учебы подрабатывали. А писатели (или, как их многие называли, стаф) переписывали текст с экранов от руки. Это были самые забытые и малооплачиваемые работники. Они сидели в подвале, и Арина

редко с ними встречалась. Многие работали просто за еду и были счастливы иметь теплое, безопасное место в течение дня.

Иногда агенты приносили в отдел винчестеры или флешки, найденные на улице или конфискованные у горожан (вышел приказ, согласно которому все граждане должны были сдать любые электронные носители в ГКЦ), с которых специалисты отдела высоких технологий по крупицам восстанавливали информацию. Почти не осталось DVD-носителей, загадочным образом они все были поцарапаны, будто по ним прошелся один гигантский коготь. Арина и прочая гэкацэшная молодежь уже привыкла к тому, что фильмы можно почитать. Они советовали друг другу те или иные расшифровки, обменивались ими. Но делать это можно было только в нерабочее время. Носители для расшифровок они брали в хранилище, а некоторые материалы, особенно научного содержания, иногда приносили сами горожане. В отделе наборщиков Арина и еще несколько десятков людей сидели и писали расшифровки видеофильмов, телевизионных сюжетов, передач и даже концертов. Все это тщательнейшим образом систематизировалось и снова отправлялось в хранилище. Если вдруг находилась потерянная часть фильма или сюжета, то папка с его именем извлекалась обратно и дорабатывалась. Как им объясняли, это делалось на тот случай, если компьютеры и телевизоры вообще исчезнут с лица земли, и тогда людям останутся хотя бы важные информацион-

ные записи. Арина знала, что эти записи раньше назывались «монтажные листы». Иногда она думала о том, что, возможно, лет через сто люди по этим листам сделают один большой фильм. Он будет длиться целый год, и в нем будет абсолютно все – любовь, война, предательство, смерть, убийство, ревность, ужасы, юмор, – все, что когда-либо происходило с человечеством. И вот, когда просмотр закончится, в зале включают свет, оставшиеся на Земле люди оглянутся вокруг и наконец задумаются о том, что же с ними произошло. Увлекаясь историями, она не замечала, как пальцы порхают по клавиатуре, стараясь максимально точно передать дыхание прошлого. Часы пролетали, как секунды, и Арина обычно приходила в себя лишь в момент, когда раздавался гудок отбоя. Пора было идти домой. В пустую стильную квартиру, где последние три года она жила совсем одна. Прошрое, которое проходило сквозь нее и выливалось в неровные строчки текста на блеклом мерцающем мониторе, было полно событий и переживаний, драматических ситуаций и трагедий. Настоящее же было суровым и довольно скучным.

Три дня назад, двигаясь быстрым шагом вдоль набережной Макарова, Арина гадала – включают в доме свет или нет. Скудный отблеск от двух прожекторов, установленных на здании Биржи, освещал часть набережной. Этого вполне хватало, чтобы сносно видеть все, что тебя окружает. Нева, отражающая часть света, создавала пусть сиюминутное, но все-таки ощущение уюта и покоя. Однако, если нырнуть во

дворы, то сразу попадешь в беспросветный мрак колодезных стен. Обычно Арина старалась возвращаться домой хотя бы в сумерках. Но что толку осторожничать, если в ноябре день начинается сумерками, которые тут же переходят в ночь. Эти дни тянутся за тобой серым хвостом весь месяц, а то и два – хоть вообще на улицу не ходи. Темнота – вот что по-настоящему угнетало всех обитателей города от мала до велика. Она была везде и давила-давила на человека, нашептывая сладким голосом рассказы о том, что так будет всегда. Что солнце пропало навеки. Проглотил крокодил и не отдаст обратно ни за какие коврижки. Другое дело лето – светло, и даже дышится по-другому, без приступов хриплого страха, накатывающего сейчас из каждого темного закоулка старых дворов.

Арина знала, что после девяти вечера начинается комендантский час. Время, когда нормальные люди запирают дверь на все засовы и ложатся спать. И хотя у нее был военный пропуск, Арина все равно старалась не выбираться из офиса позже девяти – это было слишком опасно. Сегодня же она как назло засиделась с подругой Лилой, обсуждая новый фильм. По их отделу ходила рукопись «Унесенные ветром», а Лиля убеждала всех, что еще есть такая книга, намного интереснее, чем расшифровка. Конечно, иногда им приходилось работать в ГКЦ и по ночам. Это зависело от того, в какие именно часы подавалось электричество. График был плавающий, и Арина никогда не знала заранее, в какую из

недель придется выходить в ночную смену. Но одно дело попивать чаек в ГКЦ, который был мощным безопасным комплексом, под охраной военных и бронетехники. И совсем другое – семенить на каблуках по набережной Макарова, напминающей в это время декорированный павильон для съемок фильма Сайлент Хилл. Один из немногих американских ужастиков, который им перепал по большому благу от соседей по верхнему этажу. Там заболела шифровальщица. Государство было против агрессивных американских фильмов, и даже сотрудники отделов видео ГКЦ допускались для работы с ними с особого разрешения Главного.

Пустота темной улицы становилась все более объемной, растекаясь медленно и вязко, как бензиновое пятно на воде. Арине и идти-то до дома было всего ничего, перед Тучковым мостом надо сразу нырнуть налево. Но именно там частенько кучковались гоблины. Когда-то эти люди жили в черте города в небольшом палаточном лагере, который назывался ГОБ, Государственное Объединение Бедных. Там были те, кто потерял работу и вынужден был бедствовать. Но потихоньку они обнаглели, стали объединяться между собой в банды и устраивать набеги на горожан. Грабили и убивали на улицах, залезали в квартиры, чтобы найти еду. А потом попытались устроить даже что-то наподобие восстания. После этого правительство дало распоряжение стрелять в гоблинов без суда и следствия. Вроде как для того, чтобы обезопасить мирных жителей. Но от этого мирным горожанам стало еще тоскли-

вее. Ведь гоблинау терять уже и правда нечего – он ни себя не пощадит, ни тебя, ни детей, ни стариков. Буду резать, буду бить. А таких отчаянных становилось последнее время все больше. В темноте промозглой осени неприятно запахло едкой гарью. Вдали горожане, а может, и гоблины, грелись у костра. Арина побыстрее шмыгнула в проходной двор, пока ее не заметили. Вот черт, надо же было сегодня Лиле так поздно притащиться пить чай. Подруга звала ночевать к себе, она живет на Чапыгина, через двор от ГКЦ, но Арине нужно было на завтра забрать из дома часть рукописей для обработки. Иногда она брала тексты на дом, чтобы исправить ошибки, допущенные в спешке (компьютер мог выключиться когда угодно).

Мысли Арины прервала кромешная тьма. В черных проходных дворах ей пришлось двигаться почти на ощупь. Ни в одном окне не было света, не горело ни одной свечки. А Арине так невыносимо хотелось хоть немного побыть в квартире с освещением. Всего лишь полчаса, чтобы успеть съесть бутерброд и выпить стакан молока под лампой на кухне. Бутерброд и лампа были пределом ее мечтаний на сегодняшний вечер. Последние полгода администрация района включала свет довольно регулярно, раз в три дня, но этой осенью стали опять экономить – два дня в неделю. В принципе девушка уже привыкла жить без электричества, как и многие вокруг. За те несколько часов, пока давали свет, можно было успеть приготовить что-нибудь поесть и послушать радио. Это был

разрешенный лимит пользования электроэнергией. Мощности было мало, и поэтому все нарушения строго отслеживались полицией Росэнерго. Говорят, поначалу не один человек вылетел из города только из-за того, что пытался по старинке включить электрический чайник. Тысяча ватт – нынче это целое состояние. За последние десять лет мир изменился до неузнаваемости. Что такое телевизор, современные дети знали только по рассказам родителей. Арина еще помнила яркие компьютерные мультфильмы, в которых невиданные звери воевали с такими же чудесными сказочными монстрами. Теперь их можно было пару раз в год увидеть только в летнем кинотеатре (с проектора на большое белое полотно детям по большим праздникам показывали мультики), ну и, конечно же, иногда подглядеть у коллег по анимации. Те рассказывали, что раньше у каждого ребенка дома был свой собственный кинотеатр и коллекция любых мультфильмов.

Вначале старьевщики охотно скупали разные предметы достижения цивилизации, и три года назад за проданный ноутбук родителей Арине даже удалось получить зеленые талоны. Мама всегда говорила, что, мол, дожили, теперь советскую систему отоваривания талонов используют во всем мире. На эти деньги она купила на день рождения бутылку шампанского. Мама тогда была еще жива, а ведь не верится, что всего три года прошло. Время в сумраке тянется медленно, люди слишком долго остаются наедине с самими собой и от этого медленно сходят с ума. После шампанского они,

неожиданно быстро захмелев, смеялись безудержно, как малые дети, и танцевали танго под радио. А вскоре потребление электричества сократили втрое, и старьевщики потеряли к вещам всякий интерес. Теперь для того, чтобы вывезти из квартиры ненужные вещи, горожанам еще нужно самим оплатить квитанцию на вывоз. Говорили, за чертой города творился полный беспредел, вещи там выбрасывались прямо на землю, и города были окружены гигантскими свалками, на которых паслись дикие животные и жили все те же гоблины. У Арины, как и у многих других, еще оставалась дома «роскошь» былого времени – мобильные телефоны, компьютер, бытовая техника, но ими больше никто не пользовался, а лишних талонов на вывоз никогда не появлялось. Поэтому посудомойку девушка приспособила как подставку для цветов, а на стиралку положила плазменную панель – получился неплохой столик. Микроволновку ее сосед Дима, слесарь, помог повесить за окно, и теперь у нее был маленький холодильник. Зимой в нем вполне можно было хранить еду три-четыре дня. И еще она подкармливала птиц. Насыпала на микроволновку сверху немного хлеба, и голодные синички мигом сметали угощение. Соседи тоже так делали, но у них были расставлены специальные ловушки для птиц. Арина на всякий случай поставила сверху ловушку, но никогда ее не заряжала, кормила птиц просто так. Просто потому, что так всегда делала ее мама. Ей не хотелось, чтобы соседи об этом знали. Арина и так в глазах соседей была настоящей «бур-

жуйкой» – ходила в красивой форме ГКЦ и хорошо питалась. Они могли сообщить в ГКЦ, что она ведет себя неадекватно, и те замучили бы ее проверками. Какой идиот будет в наше время просто так отдавать птицам хлеб? Кормить, а тем паче заводить животных считалось безумным расточительством. Только высший эшелон власти мог позволить себе зверька весом не более килограмма. Летом, конечно, с холодильником было сложнее, но Дима предложил ей пользоваться своим отделением в подвале, и иногда она ставила туда молоко, которое два раза в неделю выдавали сотрудникам центра. И вот сейчас, подходя к дому, Арина набиралась смелости, чтобы спуститься вниз за молоком. Дима уже наверняка спал, и будить его не хотелось. Позавчера в магазине не было маленьких бутылочек, и ей пришлось купить одну большую. Арина побоялась, что оно прокиснет в микроволновке за окном (на улице было не так уж холодно), и поставила банку в подвал. Подвал был огромный, с многочисленным отсеками и закоулками. Он объединял между собой два дома и служил для жителей огромной кладовкой. Они разгородили его на отсеки и хранили тут разную всячину. Кто-то держал старую мебель, другие – картошку и квашеную капусту в старинных железных ящиках под названием «сейф». Раньше в подвале даже держали велосипеды, но теперь это было слишком рискованно. Велосипеды стоили очень дорого, и все держали их дома под семью замками. У Арины тоже была старая-престарая любимица «Кама», летом она иногда

ездила на ней к друзьям в гости на другой берег. У нее уже насквозь проржавели спицы и постоянно отваливались педдали, но она все еще была на ходу. «Кама» у нее стояла дома в гостиной, за роялем.

Вдохнув поглубже густого осеннего воздуха, Арина открыла дверь подвала, предварительно, как учила инструкция на двери, оглядевшись по сторонам. Никого не было, и она быстро проскочила за железную дверь. Девушка надела на голову диодный «фонарик шахтера» на резинке и двинулась вглубь. В подвале было уютнее, чем на улице. Захламленное старыми вещами помещение действовало успокаивающе. Столетние комоды с покосившимися дверцами, пыльные книжные полки, картины, вывернутые наизнанку внутренности компьютеров, телевизоры – вещи из далекого и близкого прошлого прятались в подвале бок о бок, словно переживая тут смутное время. Арина дошла до отсека 48 и открыла небольшой деревянный шкафчик. Там она взяла стеклянную бутылку и посмотрела на нее, специально приподняв повыше, чтобы на стекло попал свет фонаря. С удивлением Арина обнаружила, что за сутки молока явно поубавилось. Очевидно, ближайшие соседи, несмотря на всю их душевную доброту, брали свой процент с Арины за пользование подвалом. «Могли бы просто попросить», – буркнула себе под нос девушка и пошла вверх по лестнице. Когда-то эта лестница была заколочена. Арина читала, что в начале XX века она считалась в доме вторым, черным ходом. Кажет-

ся, в 50-х годах дверь забили гвоздями и стали пользоваться другой, более просторной парадной. А после Кризиса стало слишком опасно иметь два входа, тут за одним бы уследить да успеть проскочить внутрь, пока никто из гоблинов тебя не заметил. Парадный вход заколотили досками. Это было очень разумно, потому теперь жители могли из подвала сразу подняться к себе в квартиру, минуя небезопасное пространство улицы. На третьем этаже девушка сняла с головы фонарик – тут она уже отлично ориентировалась на ощупь, и полезла в сумку за ключом. И вдруг она увидела, как темная фигура отделилась от стенки четвертого этажа и двинулась к ней. Случилось то, чего она так боялась. То, о чем ее предупреждали, когда она задерживалась на работе допоздна. Кто-то из гоблинов выследил ее и теперь собирался пожить с ней. Вариантов действия было немного, и Арина стала орать, звать на помощь и колотить во все двери на лестничной площадке. Фигура неумолимо приближалась, и девушка поняла, что до третьего этажа, где живет Дима, ей не успеть добежать – слишком высокие лестничные пролеты были в старых домах. Она понимала, что все бесполезно, и никто не откроет. Квартира рядом пустовала, а Дрелькины боялись всего на свете и никогда не стали бы вмешиваться в чужие проблемы. Но Арина надеялась, что гoblin испугается ее активности и убежит. С размаху она запустила в него банкой с молоком, которая просвистела буквально мимо гoblinского носа. Это был молодой парень лет девятнадцати, худой, с огромными

черными глазами. Его губы потрескались и кровоточили. Через секунду он вцепился ей в горло, и Арина заорала так, что с потолка упал кусок штукатурки. Началась потасовка. Гоблин был ослаблен от голода и не очень силен, иначе Арина сразу пришел бы конец. Обычно они не церемонились и разбивали своим жертвам головы о стену. Этот же вцепился в шею, как бульдог. Их шансы на победу были равны с той лишь разницей, что ему уже было нечего терять. Через день он все равно умрет на улице от голода и холода. Либо его подберет патруль и выкинет за черту. А там его сожрут такие же, как он. Гоблин воткнул острые когти ей в нежную шею, как коршун в цыпленка. Арина начала задыхаться и терять силы. Противник, мигом почуяв это, стукнул ее головой о железные перила. Чувствуя, что теряет сознание, Арина увидела, как вдруг зажегся яркий свет. Вспыхнул, будто пламя.

Очнулась она на ступеньках. Рядом сидел благообразного вида старичок с большим фонарем, болтающимся на веревке на шее. Он мочил носовой платок в молоке, которое растеклось по ступенькам, и прикладывал к разбитой голове девушки.

– Кто вы? – наконец вымолвила она.

– Не бойтесь. Я, конечно? чудище, но исключительно в силу возраста. Меня зовут Иван Николаевич. Я – доктор, психиатр.

Его голос действовал успокаивающе, и Арина, нащупав в кармане трясущей рукой фонарик, включила его и направи-

ла на спасителя. Иван Николаевич непроизвольно сморщился.

– А где гоблин?

– Не волнуйтесь, он убежал.

– Как же вы справились с ним?

Иван Николаевич с явной любовью покрутил перед собой старинной тростью.

– Фехтование. Звучит так же архаично, как капитализм, однако выручало меня не раз. В молодости я был чемпионом Европы по савату. Это французский бокс, которым владели аристократы. Оскар Уайльд, например.

– Надо же... Спасибо вам огромное. Если бы не вы с этой палкой, он бы меня убил. У нас в отделе совсем недавно погибла одна сотрудница. Гоблин перерезал ей горло около двери подъезда. Никто из соседей даже не выглянул в окно. Вы – настоящий герой. Я о таких, как вы, только читала. В ГКЦ иностранные расшифровки не очень любят, но мне они нравятся. Там есть такой персонаж, все время спасающий мир, – Брюс Уиллис. Отважный и немного циничный. Наверное, в прошлом таких мужчин было много. Ой, простите, я не представилась. Меня зовут Арина.

– Я знаю, Ариночка. Дело в том, что я шел именно к вам. Простите, что нагрянул среди ночи, но я пришел по делу, не терпящему промедления. Я принес некоторые важные для мировой истории видеоматериалы. И я не мог прийти, как бы это сказать... официально... потому что, несмотря на

важность миссии, это дело глубоко личное. Я пришел именно к вам, потому что имел честь несколько раз встречаться с вашей матушкой. Но вы еще были совсем малышкой и, конечно же, меня не помните. Вот смотрите, я даже фото захватил, чтобы вы мне поверили.

Психиатр поднес к фонарю фотографию, на которой он и Арина мама сидели за столом. Он улыбался, а мама была непривычно хмурая и озабоченная. Впрочем, она никогда не любила фотографироваться. Считала, что слишком неестественно получается.

Арина, наконец, смогла унять дрожь и успокоиться.

– Пойдемте ко мне, я угощу вас молоком с бутербродами. Молока, правда, теперь уже нет...

– Спасибо, спасибо. Если вы не против, у меня есть кофе-ек в термосе. Я не знал, во сколько вы придете, и захватил на всякий случай с собой небольшой ужин.

Старичок засеменял за девушкой вверх по крутой лестнице. Арина слышала, как рядом соседи Дрелькины аккуратно прикрыли дверь. Дескать, жива осталась, и ладно. Это была та самая пара не любимых Ариной жлобов, которая воровала у нее молоко. Войдя на кухню, девушка первым делом развела огонь. Для этого в печке у нее уже были аккуратно сложены шалашиком дрова. Ей крупно повезло, потому что она жила в старом доме, где в начале XX века была печка. Потом, когда у всех появился газ и централизованное отопление, печку накрыли скатертью и использовали как

стол на кухне. Теперь же дымоход снова расчистили, и зимой печка стала для Арины лучшим другом и спасителем. Ведь многие жители грелись по ночам у костров, настолько невыносимо было оставаться в стылых панельных домах. Другим счастливым обстоятельством в жизни девушки стало то, что в прошлом веке в старых домах часто невозможно было по техническим причинам развести коммуникации, и поэтому ванна находилась прямо на кухне. Мама рассказывала, что кухня-ванная всегда была предметом их семейного юмора – можно одновременно мыться и жарить яичницу. Теперь же ванна на кухне стала объектом всеобщей зависти. Этого позволить себе не мог практически никто. Ну, разве что полицаи из Энергии Горячей Воды. Отопления в городе не было. Раз в неделю в городской бане бывал «день чистоты», и если ты не занимал очередь с ночи, то шансов поплескаться в теплом душе не оставалось совсем.

Старичок порывался помочь Арине с ужином, но она усадила его в продавленное кожаное кресло и стала проворно суетиться по хозяйству. Она быстро сделала бутерброды с сыром, налила из термоса кофе и придвинула угощение на столике поближе к печке. Старичок довольно жмурился и потягивал из пиалки горячий напиток.

– Эх, деточка, что с миром стало. Как в блокаду живем. У меня бабка в блокаду была твоих лет. Точно так же одна бегала по пустому городу в худеньком пальтишке... Ээх.

– Ну что вы, в блокаду, говорят, люди друг друга ели...

Умирали от голода. А сейчас есть выбор. Если голодаешь – поезжай в коммуну, возделывай землю или свой огород заведи. Разве нет?

– Так-то оно так. Только это означает, что мы возвращаемся в каменный век. Палка-копалка, сетка-ловилка и крошка-картошка на все случаи жизни. А как же культура, тонкие материи? Когда людям читать книги, смотреть фильмы, если они с утра до ночи копают огород? Понимаете, Ариночка, мы попали в машину времени. Но, увы, в некачественную машину. В недоделанную китайскую машину времени, которая через три дня после покупки сломалась, и мы безвозвратно шлепнулись в далекое прошлое, как сельский пьяница с размаху падает лицом в коровью лепешку. Ведь не бывает так, чтобы мир рухнул в одночасье. Откуда на ровном месте взялся этот Кризис? За рычагами управления экономикой стояли мощные умы! Что с ними случилось, раз они допустили ТАКОЕ! Почему в какой-то момент им стало неинтересно зарабатывать деньги, и они махнули на все рукой?

Арина с грустью смотрела на него. За последнее время она видела немало ностальгирующих по былой роскоши старичков. Многие из них приносили свои любимые фильмы в ГКЦ и рассказывали о прекрасном прошлом. А вот ее мама никогда не жалела о том, что произошло. Наоборот, говорила, что все это божий промысел, наказание за то, что сердца людей за последние сто лет покрылись жиром и стали похожи на гамбургеры (кажется, такие американские котлеты, надо

посмотреть в словаре).

– Но я нашел причину ее поломки!

– Поломки чего?

– Поломки нашей машины времени или мировой экономики, если угодно.

– И в чем же причина?

Арина нечаянно зевнула и почувствовала, что начинает клевать носом. Она заранее знала все эти рассказы о прекрасном прошлом и врагах, уничтоживших мировую цивилизацию. А завтра еще с утра на работу. Похоже, придется деда уложить спать в маминой комнате.

– Человеческий фактор. Роль личности в истории! Слышали о таком?

– Ну, немного. Ленин там, Гитлер, Сталин...

– Умница! Чувствуется воспитание Елены Сергеевны! Она ведь историю преподавала?

– Угу.

– Так вот какое дело. В том, что мы вернулись в прошлое, тоже виноват человек. Женщина.

– Шерше ля фам. Обычное дело в кино.

– Ля фам тут ни при чем. Сталин и прочие были совсем не ля фам. Дело в предназначении. Вот вы верите в предназначение? Вы бы согласились изменить мир?

– Не знаю (Арина уже зевала так, что казалось, вот-вот порвется рот). Давайте завтра поговорим. Если хотите, можете остаться у меня. В маминой комнате есть большой диван.

– Нет-нет, мне надо обязательно рано утром вернуться к себе. У меня коза некормленная и куры. А на диване я расслаблюсь и просплю все на свете. Да и гоблины совсем распустились, могут залезть, пока никого нет дома. Я ведь на левом берегу живу, а он не так хорошо охраняется, как центр. Зачем вообще государству надо было создавать Государственное Объединение Бедных, если они мало того, что не следят за своими гобовцами, так еще и разрешают их отстреливать? И где брать для этого оружие? Во Франции это кончилось тем, что бродяги перестреляли весь город, и теперь в Париже живут только гоблины. Все, простите, перехожу к делу. Ариночка, у меня есть уникальные по своему содержанию видеоматериалы, которые мне надо расшифровать. Помочь в этом мне можете только вы.

– Конечно, никаких проблем. Давайте их мне, и завтра я оформлю ваше дело в ГКЦ. Как только до вашей именной папки дойдет очередь, я их расшифрую. Правда, это может произойти не очень быстро. Но я постараюсь ускорить процесс.

– Видите ли, Арина (тут дед на минуту замялся, собирая пальцем крошки на блюде). Эти материалы и есть РАЗГАДКА...

– Я не понимаю. Разгадка чего?

Иван Николаевич с опаской оглянулся по сторонам и зашептал:

– Разгадка мировой экономической катастрофы. Кризис

произошел из-за одного человека, женщины. Она была моей пациенткой 15 лет назад. Она мне все сама и рассказала. Только вот вы сейчас не верите мне, думаете, старый идиот... Тогда я тоже не поверил ей, а сейчас понимаю, что она говорила чистую правду, и уже тогда мы все сидели на ядерной боеголовке, образно говоря. С помощью этой расшифровки я хочу до конца найти все ключи истории, чтобы вернуть мир в его нормальное положение. То бишь выдернуть нас из каменного прошлого и воткнуть обратно в цивилизацию.

– Понятно (хотя на самом деле ничего не понятно). А чем я могу помочь?

– Мне нужно, чтобы вы сделали расшифровку независимо от ГКЦ. Здесь содержится секретная информация, и если они об этом узнают, то могут уничтожить видеозаписи. Вы не подумайте, в моей просьбе нет никакой государственной тайны, просто прежде чем сдать материалы в архив, я хочу подстраховаться и оставить их себе в рукописном виде. Вы можете это сделать для меня? Я хорошо заплачу. Куры несутся часто, так что у вас будет много яиц. И еще скоро я собираюсь зарезать поросенка. Я это все вам привезу.

– Иван Николаевич, миленький. Студентов неплохо кормят в ГКЦ. Не ахти как, но жить можно. А вот если я нарушу закон, то меня могут не только выгнать из института, но и выслать из города. А после того как умерла мама, я здесь совсем одна.

– Знаю, знаю. Мне рассказала о трагедии ее коллега по работе. А ведь в прошлые времена рак лечили. Или по крайней мере всячески оттягивали больным переход в мир иной. А теперь всем наплевать. Чем меньше будет популяция на земле, тем легче выжить тем, кто остался. Увы, человечество теперь живет по законам животного мира. Хомо хомени люпус эст, что означает человек человеку волк. Есть, кстати, такой фильм. Вы много видели в городе стариков?

– Ну, человек пять я видела у нас в ГКЦ, приносили, как и вы, какие-то записи. А в городе, честно говоря, давно не видела. Но я ведь никуда практически не хожу.

– А вы знаете, что до Кризиса Петербург был городом стариков, многие из них пережили войну и блокаду. И они были очень сильные, дети блокады. Потом половина стариков умерла, а другую часть насильно депортировали за Черту.

– Что значит насильно депортировали? Откуда у вас такая информация? Согласно закону, в городе имеет право остаться любой постоянно зарегистрированный житель вне зависимости от пола и возраста. Я читала это у нас на стенде в институте.

– Куда же тогда делись все старики? Видишь ли, милая девушка, вначале все так и было, как написано у вас на стенде. Но спустя несколько лет ситуация в городе стала ухудшаться, старики уже не могли сами себя прокормить, и нужно было с ними что-то срочно делать. Три года назад по-тихому был принят новый закон в рамках чрезвычайного поло-

жения. Согласно ему отныне депортации подлежит каждый житель, достигший пенсионного возраста либо не прошедший в назначенный срок медицинскую комиссию. Вот смотрите, что они мне прислали.

Старичок достал из кармана цветную открытку и протянул Арине. На открытке была нарисована счастливая пожилая пара, качающаяся в гамаке в саду, утопающем в цветах. Сверху была надпись: «Пришло время о вас позаботиться. Пенсионный фонд приглашает вас в путешествие за город. Мы обеспечим вам достойную старость».

Арина внимательно изучила открытку. Удивительно, что она была цветная. Вся полиграфия в городе была черно-белая, а цветные иллюстрации она видела только в старых книгах.

– Какая красота! Звучит неплохо. Отдохнете на природе. И потом они обещают все оплатить и позаботиться о вас. Может, это лучше, чем вечно дрожать от страха в городе, что на вас нападут гоблины и разmozжат голову. Если бы не учеба и работа, я бы давно уехала к родственникам на море.

– На море, говоришь... Бедная девочка, а ты давно общалась с родственниками?

– Два года назад тетя присылала письмо, звала к себе. А что?

Старик задумчиво пожевал губы, словно раздумывая, стоит ли продолжать этот разговор.

– Ужасно не хочется тебя огорчать, но, наверное, все же

лучше знать правду. Мы тут в городе находимся за железным занавесом, а к вам в ГКЦ информация о внешнем мире и вовсе не просачивается. Везде на территории России и бывших стран СНГ страшные войны, кровавые бунты и расправы. Уцелели только большие города-крепости – Москва, Киев, Минск, которые никого внутрь не пускают. Запасов еды в городах катастрофически не хватает, солдаты совершают набеги на коммуны и грабят то, что они вырастили. Поэтому самим деревенским тоже не хватает продовольствия. Они пытаются защитить урожай, и солдаты их убивают. В результате кругом смерть, разрушение и голод. Поэтому старики и дети в городах являются обузой, лишним ртом. Не знаю, куда они девают детей, но стариков вывозят за черту города, куда-то за Всеволожск, разбивают череп и сбрасывают в могильник. Вот такой вот отдых на природе меня ждет через месяц, мое милое дитя.

Арина сидела не шелохнувшись. Весь сон с нее словно рукой сняло. Какие страшные вещи говорил этот незнакомец. «Наверное, сумасшедший», – думала она.

– Арина, послушай меня. Я знаю, что ты очень добрая девушка. Не говори ничего, я просто это знаю. Я бы не хотел, чтобы ты взялась за это опасное дело только потому, что пожалела меня и в последний месяц моей жизни решила сделать подарок. Я пожил уже с лихвой и видел такое, что многим даже не снилось. Я когда-то объездил весь мир, общался с самыми разными людьми. Мне нестрашно умирать. Но

тебе и другим еще долго жить в этом мире, который, как бильярдный шар от первоклассного удара кием, прямоком летит в преисподнюю. Поверь, эти кассеты могут повернуть ход событий вспять. Ты лучше, чем кто-либо другой, поймешь это, когда поставишь последнюю точку в расшифровке.

— Ну, хорошо. Предположим, я возьмусь за работу. Ни яйца, ни свинина, ни деньги мне не нужны, я и так перед вами в большом долгу. Но как вы себе это представляете? Я же не могу делать это в отделе тихо под столом? Около меня сидит десяток сотрудников.

— Милая Арина, я все продумал.

Старик залез в пакет, достал сверток из газет.

— Это видеокамера, а вот кассеты. Ты можешь делать расшифровку дома, потом вернешь мне рукопись, а кассеты отнесешь в Центр. Таким образом, никакого государственного преступления в этом не будет. Я всего лишь получу свою личную копию.

— Но где же взять столько электричества?

— Электричество тебе не понадобится, потому что я время от времени буду подвозить заряженные батарейки. Кроме этого, я оставлю тебе большой фонарик, чтобы не испортились глаза при написании. Я дам тебе за работу сто талонов. Неплохая халтурка, как говорили в мое время (старикан вдруг игриво подмигнул). Договорились? Ты же умеешь это делать?

– А почему вы сами не можете расписать кассеты?

– Арина, деточка, с моим зрением писать, да еще при свечах! Это увы, уже невозможно. Старость приходит с подарками, и для меня она припасла самый ужасный – слепоту. Раньше хоть аудиокнижки можно было послушать или музыку, а теперь... эх...

Старик горестно вздохнул и заснул, обняв руками обернутую старыми газетами видеокамеру. Арина аккуратно переложила сверток на стол и накрыла старичка пледом.

Она долго не могла уснуть. Виноват в этом, наверное, был кофе. Арина давно уже не пила черный напиток, он был страшным дефицитом, и на талоны в ГКЦ давали только чай. Дедушкин кофе оказался хоть и жидким, но весьма тонизирующим. Кроме этого, Арине не давали покоя жуткие рассказы старичка. Неужели все действительно так плохо и власти скрывают это? Девушка лежала на спине и слушала звуки старого дома, который вздыхал в унисон вместе со спящим в кресле неожиданным гостем. На лестнице в подъезде хороводил и посвистывал ветер, просачиваясь через заколоченные фанерой окна. Арина лежала и скучала по маме. Она всегда по ней скучала, когда не могла уснуть. Мама родила ее слишком поздно, поэтому вместе они были совсем недолго. А папу она и вовсе не помнила. Он был старше мамы на десять лет и умер, когда Арине было всего два годика. Так уж получилось, что Арина появилась на свет, когда родители уже были пенсионерами и вовсе не ждали от природы та-

кого сюрприза. Это было как в сказке про Снегурочку, которую отчаявшаяся бездетная бабка слепила из снега. И вдруг, бац, ожила малышка. Старики, как в старой русской небылице, дали своему творению абсолютную любовь и наделили пронзительной красотой, о которой девушка даже не подозревала. У Арины были точеные черты бледного лица, алый рот и ярко-синие глаза. И еще они вдохнули в нее доброту. Если бы они родили ее пораньше, то до сих пор жили бы счастливой семьей. А так Арине выпал удел поздних детей – идеальная, всеобъемлющая родительская любовь в детстве и бесконечное одиночество в молодости. Заснула девушка уже под утро, и во сне к ней пришла мама. Она снимала Арину на видеокамеру и смеялась. А потом сказала: «Милая, ты уже взрослая. Придется тебе одной посмотреть это кино. Ты уж прости нас за все...» Мама вдруг закрыла глаза руками и заплакала.

Когда Арина проснулась, Иван Николаевич уже ушел. Он оставил на столе аккуратно разложенные видеокассеты, видеокамеру и записку:

«Дорогая Арина! Спасибо за гостеприимство. Я очень надеюсь, что ты мне поможешь с расшифровкой, поэтому оставляю кассеты (все они под номерами, и их следует расписывать именно в этом порядке). Батарея камеры заряжена полностью, тебе должно хватить на пять-шесть часов работы. Потом я привезу другую. Оставляю аванс – 50 талонов, остальные – при встрече. Очень на тебя рассчитываю. И. Н.».

100 талонов – это было целое состояние. На них можно было летом съездить к родственникам на море. Поезд ходил раз в три месяца и стоил непосильно дорого – 30 талонов в один конец. Однако при наличии сотни зеленых оставалось еще и тетке на подарки. Арина почувствовала, что ужасно хочет повидать родных. Старик не на шутку напугал ее своими рассказами, и ей не терпелось убедиться, что на юге все в порядке. Южане жили лучше, чем северяне, земля там отлично плодоносила, не сравнить с Ленобластью, где только картошка и росла. Тетя давно уговаривала ее переехать, но Арина не хотела терять престижную работу.

Она аккуратно переложила имущество психиатра на папин огромный рабочий стол, вымыла на лестнице пол, выкинула осколки банки и пошла на работу. День выдался тяжелым – начальство устроило проверку документов в архиве, многим сотрудникам сделали выговор за то, что не выполняли план. Арину это не касалось, она всегда перевыполняла норму и была примером для новичков, но все же было обидно за более опытных коллег. Вечером Арина позволила себе расслабиться. Выпила немного кофе (Иван Николаевич оставил ей баночку), нагрела ведро воды на печи и приняла ванну. Так она подбиралась к работе, за которой ей, возможно, предстояло провести не одну ночь. Первым делом нужно было разобраться с видеокамерой Sony. Выглядела эта машина, словно посылка из прошлого, из другого мира. К счастью, у мамы раньше была похожая, поэтому Арина

быстро освоила старую технику. Неизвестно, как дед ее хранил, но она была практически в идеальном состоянии. Арина достала листок бумаги (пришлось утащить немного с работы), подписала убористым подчерком «Кассета №» и включила «play». На экране появилась молодая женщина. Она была настолько необыкновенной, что Арина даже нажала на паузу, чтобы получше рассмотреть незнакомку. Женщина была настоящей красавицей – бледная кожа, но при этом очень нежная и словно светящаяся изнутри. У нее был высокий лоб, тонкий нос, полные чувственные губы и голубые глаза. Она напоминала какую-то актрису, только Арина не могла вспомнить, кого именно. Незнакомка сложила губы в легкой полуулыбке, чуть наклонив голову вперед, и ее глаза вмиг стали хищными, как у пантеры перед прыжком. Этот прищур глаз, такой одновременно красивый и пугающий, сразил Арину наповал. Воля, несгибаемая сила воли чувствовалась в каждом ее слове и жесте. Царственная особа. Львица. Такие люди могут править миром, повелевая лишь одним только взглядом. Одета молодая женщина была очень просто – джинсы и футболка, в руках дымились тонкая сигарета. Светлые волосы свободно раскинулись по плечам. Она была худощавая, с длинными тонкими пальцами без маникюра. Арина смотрела на нее и не могла насмотреться. Ей снова показалось, что она где-то видела эту женщину. Было в глазах незнакомки что-то такое, что потрясало до глубины души. Какая-то мудрая, почти старческая грусть оставалась в

них даже в тот момент, когда она улыбалась. Казалось, ее душа прожила не одну сотню лет и безумно устала. Арина поняла, что скоро посадит батарею, так и не написав ни строчки, и взялась за ручку.

Кассета 3

Мужчина:

– Кассета номер 3. История болезни пациентки не ясна. Нервное расстройство на фоне постоянного стресса и неудачи в личной жизни. Приступы kleptomании как побочный эффект...

Несси, мне бы хотелось опять вернуться к тому моменту, когда ты стояла дома у окна. Сегодня нам просто необходимо начать рассказ с ТОГО дня, когда произошла первая кража...

– Дай угадаю. Марат тебе вчера сказал, что ты непрофессиональный тупица. Что хватит тянуть резину. Так было? Он жаждет этих записей, бедняга. У него, наверное, уже в глотке пересохло от нетерпения.

– Послушай, Несси. Я знаю, что он привез тебя сюда не по доброй воле. Но Марат искренне желает тебе добра. И я тоже. Мы хотим, чтобы ты поправилась и вернулась обратно в социум.

(Женщина смеется.)

– Добра? Боже мой. Глупый докторишка связался с демоном и видит в нем добро. Давай записывай, пока не начали действовать твои адские таблетки-колеса. А то я сейчас от них усну, и Марат поджарит тебе зад паяльной лампой.

– Несси, пожалуйста, перестань грубить. Я даю тебе не та-

кие уж сильные лекарства, стараюсь обойтись малой кровью. Для этого мы так долго беседуем. Расскажи про своего бывшего мужа. Как бы ты ни хорохорилась сейчас, я знаю, что его уход стал для тебя большим ударом. Возможно, это и есть истинная причина твоего срыва, а значит, мы на правильном пути.

– Когда я познакомилась с Корецким, это был всего-навсего жалкий адвокатишка в фирме-однодневке, с утра до ночи пишущий там какие-то бумажки. Предметом его особой гордости была коллекция печатей. Все печати у него были поддельные, и он, окончив когда-то художественное училище, страшно этим гордился. В каком-то смысле он был необыкновенно талантлив. Несколько лет он прожил в Питере, имея в паспорте нарисованную от руки регистрацию. «Милая, – говорил он мне, – на свете нет ни одной бумажки, которую я не смог бы подделать».

В его офис я, одним погожим днем, тоже пришла за липовой справкой и с ходу наткнулась на темно-синие глаза. Поскольку в такие моменты я всегда беру инициативу в свои руки, я предложила ему обсудить деловой вопрос за чашечкой кофе. Он же, не в силах отказать красивой женщине, да еще и завидному клиенту, согласился. Как сейчас помню, что на мне было черное облегающее платье, а черный BMW стоял за углом. Увидев машину, он, как все мужчины, которые ничего подобного никогда не имели, вначале насупился, но быстро пережив этот удар по самолюбию, разговорился.

Оказалось, что приехал он в Питер несколько лет назад из города, в котором, как мы знаем, есть дом, где резной палисад. То есть из Вологды-гды. Правда, единственный дом там с резным палисадом, как утверждал Корецкий, – это психиатрическая лечебница. У тебя, кстати, нет снаружи разных окон? А то, когда ты меня затаскивал сюда, я не успела обратить внимание. Все, все. Продолжаю. Корецкий был невероятно хорош собой. Высокий, широкоплечий, очень ухоженный. У него были черные, немного выющиеся волосы, которые он каждое утро распрямлял и зачесывал с маниакальным упорством. А когда он улыбался, дамы млели и стелились перед ним пушистым ковром. Синие глаза сводили всех с ума, и он, прекрасно зная об этом, научился включать их сияние по требованию. Как дальний свет на темной трассе.

В Питере он поступил на заочное юридическое отделение университета, и, нарисовав себе поддельную прописку, вскоре пошел работать грузчиком (мускулатура у него и правда была будь здоров). Получив диплом, он устроился в эти полуполюгальные «Рога и Копыта», где я его, на свою беду, и подобрала. У нас закружился-завертелся совершенно космический роман, и через три недели Корецкий переехал ко мне жить. До этого он долгое время обитал в ужасной коммуналке, где по дешевке снимал комнату у бабы Зои.

Марат пусть пока попьет кофейку или сходит в туалет. Назовем это рекламной паузой, но я расскажу тебе про эту бабку. У меня есть для этого причины, поверь уж на слово.

– Минуточку. История бабы Зои. Я слушаю тебя внимательно...

С малолетства баба Зоя промышляла воровством. В этом деле ей не было равных, настоящий мастер. Реинкарнация Соньки Золотой Ручки. Слава маленькой Зойки-карманницы гремела по всему криминальному Питеру. Однако после войны Зоя вдруг завязала с воровством и стала образцовой советской гражданкой, ткачихой высшего разряда. Она прожила долгую, но очень одинокую жизнь. Ни мужа, ни детей у нее никогда не было. И вот теперь на старости лет бабке снова пришлось вспомнить свою первую «профессию». На пенсию старому одинокому человеку было не прожить. Как правило, по выходным, когда в магазинах толчея и суета, баба Зоя пристраивалась в продуктовом отделе к какой-нибудь даме, одетой побогаче, и, прижимаясь к ней, делала вид, что пытается разглядеть за стеклом ценник на колбасу. Просила что-то подсказать, ужасалась дороговизне, уточняла еще раз цену. В общем, отвлекала внимание клиента. И пока дама пыталась понять, что именно бабке нужно, та ловко вытаскивала из сумочки кошелек и растворялась в толпе.

«Баба Зоя, а если поймают?» – всегда восхищалась я бабкиной смелостью.

«Так ловили деточка, ловили. Мне ведь уже 88 лет. Что с меня взять? Сажать поздно, а бить меня бесполезно. Милиционеры боятся – я ведь очокуриться могу прямо на руках, а им отвечай – похороны организуй за свой счет, перед на-

чальством отчитывайся. Вот они поругают, водочки нальют, пожалеют, да и отпустят с богом. Так что чего бояться? Даже если и умру там, в кутузке, все ж лучше, чем дома в одиночестве».

Показывая свои скукожившиеся от старости тюремные та-туировки, бабуля, пока Корецкий ходил в магазин за шампанским, иногда рассказывала мне о своей счастливой юности: «Подумаешь, два раза сидела по малолетке. Зато красивая была, молодая. Я уже в свои тринадцать была абсолютной женщиной, мужики в очередь стояли с подарками. Драгоценностей, Несска, у меня был целый ящик. А среди них даже царское кольцо одно, старинное. Говорили, что кто-то из солдат во дворце украл, когда Зимний брали». Но после войны баба Зоя с этим делом завязала. Говорила, что после блокады ни на деньги, ни на драгоценности смотреть не могла.

«Ой, девочка моя, ювелирки во время войны море было, в любой квартире бери – не хочу, – однажды подпив шампанского, исповедовалась она мне. – Как-то раз, в 42-м, кажется, когда голод был в Ленинграде лютый, иду мимо Спаса-на-Крови, смотрю – дверь в церковь приоткрыта. Я решила, что служба идет, думаю, зайду, хоть погреюсь немного. Помолюсь заодно. Грешна была, как сволочь. Ну, думаю, такое время сейчас адское, может, бог и простит. А народу внутри – тьма тьмущая, я с трудом протолкнулась. Вокруг темно, только лампадки тускло горят. Смотрю, рядом со мной дев-

чушка стоит, лет 17, наверное. Такая же, как я. Только худая-прехудая, как тростинка. К стене прислонилась и спит, а во сне улыбается. Шея длинная, как у страусенка, а на ней цепочка с кулоном – в середине зеленый перламутр, а на нем козлик выпуклый из бриллиантов. Сверкает, будто лед под солнцем. Красота неземная. Ну, тут я и не удержалась. Пригляделась, заметила, что цепочка слегка растягнута, и легонько потянула ее на себя. Черт меня дернул это сделать, прости Господи, душу грешную. И как только я дернула за кулон, девушка стала падать. И другие люди тоже. Дальше, милая, все, как в страшном сне было, до сих пор от него не могу избавиться. Я вдруг смотрю, а они все – мертвые. У многих глаза открыты и смотрят на меня так холодно и зло, что сердце останавливается от ужаса. Зубы оскалили, и пар изо рта у них идет серого цвета. Я ору диким голосом, пытаюсь выбраться из церкви, а они не дают. Хватают за руки, за ноги. Всюду синие лица, а выхода не видно, слишком темно, темно вдруг стало от того пара. Я упала на пол, пытаюсь ползти – все бесполезно, не пускают мертвецы меня. Я стала задыхаться и вдруг вижу – та девчонка, у которой я цепочку сняла, глаза открыла и показывает мне куда-то рукой. Я увидела приоткрытую дверь и рванула к ней из последних сил. Не помню даже, как оказалась на улице. Вылетела из дверей и столкнулась с двумя женщинами. Увидев меня, они со страху даже перекрестились – видимо, я уже была похожа на труп. «Ты что, говорят, девочка, тут делаешь, тут детям не

место!» И начали что-то с санок стаскивать. Смотрю, а они чье-то тело привезли. И тогда я поняла, откуда там столько мертвецов. Это были самые тяжелые месяцы блокады, когда трупов было столько, что их негде и некому было хоронить. Попробуй, прокопай землю, когда на дворе тридцать градусов мороза! Вот и ставили их в церковь, как столбики, чтобы больше влезало, лишь бы только на улице не валялись.

После того случая я больше чужого не брала. Много красивых вещей было вокруг – и на людях окоченевших, и просто в шкапулках, в чужих стильных квартирах. Двери все открыты. Выбирай что хочешь – хозяевам-то больше ничего не нужно. Я часто ходила, просто смотрела. Честно скажу, проверяла себя – понравится мне хоть что-нибудь или нет. Надо же было чем-то заняться, чтобы о еде не думать. Только все это были мертвые вещи, мертвое золото. Как только ты к нему прикасался, сразу чувствовал, как веет загобным холодом. А девушка та потом часто ко мне приходила. Стоит в углу и улыбается той улыбкой потусторонней. Вот и сейчас как украду что-нибудь – сразу появляется. Не нравится ей, что я так себя веду на старости лет...»

После таких воспоминаний баба Зоя обычно начинала плакать. С одной стороны, она боялась смерти, но с другой – очень устала жить. Соседи по коммуналке бабку не любили и, зная по ее же рассказам о «воровской молодости», прятали на ночь даже зубные щетки. Бабка от этого искренне страдала, она не понимала, почему ее все не любят и избегают.

Я часто ее жалела, давала деньги или покупала сладости, хотя Корецкий этого не одобрял. «Старая ведьма с меня и так дерет втридорога за комнату, а ты ее еще приваживаешь, — говорил он. — Скоро она в моей кровати спать будет вместо тебя». Тут следует отметить, что, несмотря на мое восхищение бабкиной жизненной силой, я не могла в комнате Корецкого заниматься с ним любовью. Я даже дышала там с трудом от страха, что злостные болезнетворные бациллы только и ждут, когда я открою рот, чтобы проникнуть вовнутрь и начать терзать мое прекрасное тело. Любимый чувствовал, что я умираю в этой норе под названием «жилье», и искренне страдал от чувства собственного бессилия. Чтобы избавить его от лишних комплексов неполноценности, мне ничего не оставалось, как предложить ему свою трехкомнатную квартиру в свежестроенном доме. Когда мы переезжали, баба Зоя рыдала навзрыд. Так уж сложилось, что я была единственным человеком, который тепло к ней отнесся за последние тридцать-сорок лет. На прощание она сказала: «Береги себя, деточка. Ты вот с виду такая-растакая деловая, сильная, как мужик, а сердце у тебя что та соломинка, хрупкое. Жаль будет, если сломают».

А вскоре бабульки не стало. По глупости она попыталась обчистить Барсика. Дело было в супермаркете, и в тот момент, когда потенциальная «жертва» отвлеклась и стала разглядывать плавающих у прилавка в мутной воде карасей, баба Зоя попыталась вскрыть замок сумки. Она не знала, что

Барсик – это определенный тип мужчины, вся жизнь которого заключена в маленькой сумочке-борсетке с большим замком. Именно ее он ежедневно (а может, и еженощно) крепко сжимает в кулаке. В маленькой кожаной сумочке лежит все, что составляет его личность, – паспорт, мобильный телефон, деньги. Без борсетки он полностью потеряет самоидентификацию и перестанет понимать, на каком свете находится. В данном случае посягательство на сумочку приравнивается к попытке покушения на его душу. И соответственно, как только мужик в магазине обнаружил, что баба Зоя за его спиной своими иссохшими до кости пальцами аккуратно расстегивает замок борсетки, он дал ей со всего размаха в лоб. Бедная моя бабка замертво упала на стойку со льдом, рядом со свежей рыбой и креветками по 2000 рублей за килограмм. По случайному стечению обстоятельств в том же магазине оказалась ее соседка по коммуналке. На похоронах она рассказала мне, что вокруг поднялась паника, народ стал убегать из магазина так стремительно, будто мертвая старуха была под завязку начинена взрывчаткой. А потом сквозь шум прорезался дикий крик. Это орала заведующая рыбного отдела. Ее мало волновало, что убили старуху. Но бабка измяла дорогие креветки. Кто теперь их купит с поломанными хвостами? Под шумок Барсик быстро слился из магазина, и далее история о его судьбе умалчивает.

«А потом вдруг из толпы вышла девушка, бледная как мел и одета бедно-бедно, в дырявом коричневом пальто, –

рассказывала мне соседка бабы Зои. – Она подошла к мертвой бабке, отряхнула с ее лица рыбью чешую и закрыла ей глаза. К ней все кинулись, мол, вы знаете эту старушку? Заведущая обрадовалась, что нашлись родственники, которые могут оплатить испорченный товар, и говорит ей так строго-строго: «Девушка, пройдемте со мной. Эти креветки – королевские, вам придется за них заплатить». А девушка смотрит на нее, словно насквозь, и улыбается такой странной, загадочной улыбкой. И тут я понимаю, что завождем хочет ей что-то снова сказать, но не может. Дышит так тяжело, глаза выпучила, как те караси, что рядом в аквариуме плавают, а слов из себя выдать не может. Девушка постояла еще секунду, потом повернулась и ушла».

Несмотря на уговоры Корецкого, я оплатила бабкины похороны. Дело в том, что баба Зоя была, на мой взгляд, как-то по-особенному одинока. Это было вселенское одиночество человека из прошлого, который не к месту, не ко времени затесался в наш современный мир. Не знаю, каким образом, но была у меня с этой бабкой внутренняя связь, из тех, что не поддаются разумному объяснению. Где она сейчас? Летает с птицами или стала скамейкой в парке, на которой по весне целуются влюбленные? Как бы там ни было, мы до сих пор связаны одной тайной. За несколько месяцев до свадьбы мне пришла бандероль. В ней была старинная свадебная открытка, на которой два голубя держали оливковую веточку, и завернутый в газету необычайной красоты старинный зо-

лотой кулон с единорогом. Мифический зверь был соткан из бриллиантов и сиял на нежно-зеленом перламутровом фоне. Знакомый ювелир сказал, что это очень редкие и дорогие камни, умолял продать кулон. У него аж слезы на глаза навернулись, когда я сказала ему, чтобы отцепился от меня, если не хочет проблем на свою голову. А еще я удивилась, что дата отправления на бандероли совпала с датой смерти старушки. Я решила, что баба Зоя отправила мне посылку непосредственно перед тем, как зайти в роковой магазин. А может быть, на почте что-то перепутали.

(Женщина молча сидит, уставившись в одну точку.)

– Ты любила его?

– Это такое заезженное слово – любовь. Оно не выражает и сотой доли настоящих чувств. Я была без ума от Корецкого. Мне нужно было видеть его ежесекундно, дышать с ним одним кислородом, думать одни и те же мысли и видеть одинаковые сны. Когда он исчезал больше чем на час, у меня от тоски начинало сводить желудок, и я боялась, что однажды, когда он задержится на более длительный период, я просто умру, корчась в страшных муках любви и гастрита. Моя любовь была безразмерна, как китайские капроновые колготки, и я готова была убить любого, кто сказал бы мне, нет, даже намекнул, что Корецкий всего лишь использует меня в своих целях. Роман развивался стремительно, и вскоре я устроила его на работу в свою фирму юрисконсультom. Правда, для того, чтобы впихнуть на завидное ме-

сто синеглазого Корецкого, мне пришлось уволить обожаемого всеми холостяка Лелика. Мои подчиненные, которые в большинстве своем были незамужние женщины, горестно вздохнули, провожая печальным взглядом так и оставшегося «ничейным» Лелика. И тут же с новым интересом воззрились на Корецкого. Но на рабочем совещании я сразу дала им понять, что он – моя еще не возделанная территория, и заявила, что если кто сунется, то незамедлительно последует за Леликом. Одинокие тетki печально закопались в документы, как хомяки в рваные газеты. Так мы прожили год, и вскоре был назначен день свадьбы. Сейчас я не понимаю, зачем мне это было нужно. Возможно, я думала, что таким образом излечусь от страстного желания обладать им ежесекундно. Желания, которое было сродни безумию. В преддверии свадьбы я, как последняя дура, забросив работу, моталась по разным инстанциям, приглашала влиятельных друзей, печатала в типографии приглашения. А в это самое время жениха, что называется, «свели со двора», умыкнули прямо из-под носа. Сделала это, как выяснилось позже, моя заместительница и лучшая подруга Верка, которая на правах рабочей и духовной близости все время крутилась около нас. Но мне даже в голову не могла прийти мысль о конкуренции с ней, настолько она казалась мне маловыразительным кузнечиком, затянутым в серо-зеленое платье прабабушки. Однако я упустила одну важную деталь – она была чертовски умна. Не в бытовом плане, разумеется. В обычной жизни она

была беспомощна, как младенец. Я имею в виду математические расчеты и графики – индексы валют, международные экономические прогнозы и прочее, куда я свой нос обычно не совала. Верка же могла запросто спрогнозировать любую ситуацию, и могу поклясться, что за те пять лет, что мы с ней вместе работали, она ни разу не ошиблась в своих расчетах. Прокололась она лишь один раз в жизни, споткнувшись о тот же гнусный камень, что и я, – беззаветную любовь. Она была моим единственным другом еще со времен учебы в институте, и я всегда старалась помогать ей всем чем только можно. Верка была девчонкой из бедной семьи, замотанная в липкие бинты комплексов и страхов потуже эрмитажной мумии. Когда я с ней познакомилась, это был в буквальном смысле забитый взрослыми ребенок. С первого класса родители терроризировали ее из-за оценок. Они считали, что их дочь должна быть круглой отличницей, что она гениальный ребенок, но при этом страдает страшным пороком – ленью. А лекарством от лени еще со времен их собственного детства могло быть только одно хорошо проверенное средство – крепкий отцовский ремень. Они были слишком увлечены идеей насильственного выбивания детских пороков, чтобы заметить, что девочка и правда необыкновенно умна, но при этом вовсе не ленива, а страшно застенчива. Они лупили ее ремнем за самые невинные проступки, не говоря уж о двойках. Конечно, одноклассники, видя, что она каждый раз ревмя ревет из-за плохих оценок, считали ее чокнутой и обходи-

ли стороной. Из-за вечно заплаканной физиономии ее дразнили Верка-сопля. Дети – жестокие твари и, несмотря на то что Верка была лучшей ученицей в классе, они никогда не просили у нее списать, настолько она стала «неприкасаемой» для маленьких засранцев. Из-за тройки по физике в последнем классе Верка пыталась повеситься, но в это время мать пришла с работы домой и чудом спасла ее. Придурочные родители, ясное дело, раскаялись и больше дочку пальцем не трогали, но было уже поздно – ссадины на заднице зажили, а вот душа осталась искалеченной навсегда. Получив золотую медаль, Верка прибила ее гвоздями к входной двери, собрала вещи и рванула в Питер. Больше со своими родителями она не встречалась никогда. Когда она рассказывала мне свою историю, то улыбалась, словно все это было для нее забавным приключением. Лишь последняя фраза убедила меня в том, что девушка в семнадцать лет прошла сквозь настоящий ад.

«Знаешь, Нешка, если у каждого человека есть жизненный запас слез, то я свой весь израсходовала за десять лет обучения в средней школе. Мои глаза теперь могут болеть, чесаться, краснеть, но плакать – никогда».

В группе все удивлялись, что мы сошлись – настолько нелепо выглядела наша пара – красавица и чудовище. И тем не менее мы были близки, я доверяла ей все свои тайны, и она никогда не предавала меня. Видимо, берегла силы на будущее. И вот спустя три месяца после свадьбы я, как геро-

иня дешевой мыльной оперы, пришла с работы домой и не обнаружила ни Корецкого, ни следов его присутствия. Никаких. Был человек, рубашки, обувь, компьютер, запах парфюма, и вдруг все исчезло, испарилось как туман. Предусмотрительно мой муженек прихватил также и все подарки, что я ему дарила, включая последнюю модель «Жигулей». Вместе с Корецким с работы исчезла и Верка, мой добрый и милый друг. Она забрала из сейфа все деньги фирмы, а главное, винчестер с базами данных и черной бухгалтерией (последнее ей нужно было для шантажа в налоговую полицию в случае, если я заявлю о краже). Поначалу мне даже в голову не пришло связать их уход в единое целое. Подумала, что мой дорогой муж попал в какие-то переделки, связанные с его прошлым, – нелегальным производством фальшивых печатей. Я умирала от горя, волновалась, искала его по всем знакомым. А потом девчонки на работе мне рассказали, что пока я с утра до ночи была занята государственным заказом на поставку дверей в дома-новостройки, который мог обеспечить нам с Корецким более-менее обеспеченное будущее, Верка его окрутила. Быстро и безболезненно. Последние три месяца они мужественно выжидали, пока мы с Корецким купим новую большую квартиру (разумеется, чтобы он мог потом претендовать на половину), и как только вся документация была оформлена и заверена нотариусом, он сбежал к Верке. Совместно, благодаря накопленной мной за несколько лет базе клиентов, они создали фирму-конкурента, и те-

перь мой капитал таял день за днем. И вот в ТОТ САМЫЙ день... Возрадуйся же, демон и господин психиатр вместе с ним, наконец-то я до него дошла!

Кассета 4

– Продолжай, не отвлекайся. Я просто поменял кассету.

– В тот самый день я увидела Корецкого в банке. Стоя в разных очередях, мы вместе оформляли переводы денег. Он меня не заметил, и поэтому, не дожидаясь, пока подойдет моя очередь, я выскочила за дверь и стала в боевую стойку. В голове стучали черные молоточки, а кровь по венам бежала так стремительно, что я слышала ее журчание. Насвистывая от счастья, эта скотина шла к машине, моему свадебному подарку, и улыбалась широкой голливудской улыбкой. В мои планы входило исключительно деловое объяснение, с той целью, чтобы мне как можно скорее вернули мои электронные документы. Через секунду я подойду и скажу: «Ведь я немало хорошего для тебя сделала, как ты мог так со мной поступить?» Но эта счастливая улыбка вызвала во мне непонятный зов предков, и я, как пантера, с шипением и рычанием кинулась на него и стала рвать на части эту сладкую физиономию. Немного погодя нас растащила банковская охрана, но подрала я его тогда прилично. И когда он, окровавленный, сидел за рулем и заводил мотор, трусливо закрыв все двери на замок, то крикнул в едва приоткрытое окно: «Ты получила ответы на все свои вопросы, сучка? Я ушел от тебя, потому что ты – хищное животное, тварь, черная ворона. Ты бы сожрала мою печень за один раз, нисколько не пода-

вившись». Машина обдала меня вонючей струей и умчалась, унося кровоточащего Корецкого.

Ветер за окном рвал на части молоденькую березку, и я наконец, отчетливо осознав, что этот человек не стоит моей смерти, да еще и в такую непогоду, стала полировать ногти, испорченные об его нос. Когда же буря слегка поутихла, я села в машину и, рассекая огромные лужи, словно волны, помчалась в свою гавань, укромное место, которое иногда дает мне силы, — маленькое кафе в районе Новой Голландии. Как только горячий кофе с коньяком пробежал по венам, расслабляя и в то же время поднимая давление в черепной коробке, которое понижено, кажется, у всех питерцев, я вдруг ощутила легкое жжение в кончиках пальцев. Не понимая, в чем дело, и думая, что это последствия битвы с Корецким, я продолжила любоваться красивой вазочкой в форме крокодила, инкрустированной мелкими зелеными камешками-стекляшками. Она стояла на барной стойке, сверкая в свете красной лампы, что висела на проводе-пружине над столом. В свете ярких лучей крокодил на деревянной столешнице весело искрился и сверкал. Он был теплым и заманчивым, обещая отдать за одно лишь прикосновение моей руки кусочек сладкого покоя. А моему искалеченному сердцу так этого хотелось! Неожиданно мои руки затряслись. По пальцам волной прокатилась мелкая дрожь, постепенно нарастая до такой степени, что я расплескала коньяк из высокого бокала. И тут я с ужасом поняла, откуда это тремоло. До

боли в позвоночнике, до самой изнанки души мне страстно захотелось украсть эту идиотскую вазочку. От этого желания у меня, как у наркомана, стало ломить все тело, и я подумала, что схожу с ума. Это было какое-то наваждение, потому что с моими деньгами, несмотря на постигшие меня бедствия, я запросто могла купить не только ее, но и весь этот кабак в целом. Я попыталась отвлечь от крокодила свой взбесившийся разум и переключить внимание на посетителей – вот целующаяся парочка неподалеку, наверное, студенты; вот – такой же, как и я, затраханый жизнью бизнесмен; вот бармен пошел на кухню за горячим. Последнее наблюдение выпихнуло меня из черного плюшевого кресла с зелеными подушками. Подскочив к старинному дисковому телефону на барной стойке и набирая пальцем несуществующий номер, я стала, якобы машинально, крутить в руках вожаденный вазон. Быстро оглядев посетителей, я поняла, что все заняты своими делами и на меня никто не смотрит. Тогда я приоткрыла сумочку и стала пихать туда проклятого крокодила, который, как назло, отчаянно сопротивлялся, цепляясь перепончатыми лапами за кожаные края.

«Вы все делаете не так, слишком суетитесь. Поставьте вазу на место, сейчас я вам кое-что покажу», – сказал, как мне вначале показалось, мой внутренний голос. Я нервно оглянулась и поняла, что голос был внешним и принадлежал тому «затраханному бизнесмену», что напомнил мне меня. Не знаю, какими гигантскими прыжками нужно было прыгать,

чтобы в считанные секунды оказаться рядом со мной, но, тем не менее, факт – его рука вытянула крокодила из сумочки и поставила на место. В ту же секунду появился бармен.

«Что-нибудь желаете?» – спросил он.

«Нет, на сегодня хватит, – ответил мой «спаситель». – Единственное, хотел напоследок поинтересоваться – из чего вы делаете коктейль «Бодрый перец»? Хочу в следующий раз угостить даму. Но у нее аллергия на мяту».

«Не волнуйтесь, мяты там нет. Это мой любимый напиток, – расплылся в улыбке бармен. – Значит, так: туда входит горилка, чеснок, соевая приправа, немного чили, томатный сок и, кажется, корица».

«Не может быть! – слишком театрально, на мой взгляд, воскликнул мой «бизнесмен». – Корица у вас только в «Мечте трансвестита».

«Была! А теперь мы добавляем ее также в «Бодрый перец». Обязательно попробуйте, она придает коктейлю необычайный вкус».

Пока бармен говорил, я, открыв рот, смотрела на своего нового знакомого. Прямо на глазах у парнишки он взял крокодила и преспокойно положил себе в карман. Тепло распрощавшись, незнакомец подхватил меня под руку и вывел из кафе.

«Это был фокус? Гипноз?» – спросила я, совершенно растерявшись.

«Давайте сядем в мою машину, и я отдам ваш трофей, –

сказал он, нажимая на автобрелок. – Вкус у вас вообще-то неплохой, но слишком не увлекайтесь блестящим. Это, как известно, удел сорок, а мы, вороны, – любим более спокойные оттенки».

Совершенно ничего не соображая, я подчинилась незнакомцу в длинном черном пальто и дала увести себя в серебристый «Мерседес». Он нажал на газ, и моя любимая машинка осталась стоять в одиночестве под надписью кафе «Изумрудный крокодил», а я оказалась в салоне с совершенно чужим мне человеком, сгорая от ужаса и возбуждения.

Он остановил машину в пустынном колодце старого дома и, серьезно глядя на меня, достал крохотные хрустальные рюмочки и дорогой коньяк. «После того как произойдет окончательное овладение предметом, необходимо снять стресс, – пояснил он свои манипуляции с посудой и сунул мне в руки украденную вещь. – Постарайся расслабиться и проникнуть в это существо. Держи его в руках до тех пор, пока не почувствуешь белонгирование, полное овладение его душой. Потом выпей».

Как и парнишка-бармен, я, словно одурманенный кролик, повиновалась каждому его слову. Прижав крокодила к себе, я медленно стала ощупывать пальцами его глаза-стекляшки, зубы, перепонки на искусно сделанных лапках и вдруг ощутила свое тело внутри этой безделушки. Во мне будто зажегся свет, и жизнь вокруг заискрилась мириадами зеленых светлячков.

«Да пей же, – издалека до меня донесся голос незнакомца, – скорее, а то будет поздно».

Этот голос был до боли знаком. Пока я копалась в собственной голове, пытаюсь вспомнить, где же я его слышала, он разжал мне зубы и влил в рот коньяк. Вокруг закружились золотые цветы, а свет внутри меня вдобавок ко всему стал еще и теплым. Он грел, веселил и щекотал меня. Постепенно я вернулась в свое прежнее состояние, но чувство экстаза окончательно так и не прошло. Мир стал другим, Корецкий с окровавленной физиономией отступил в прошлое, и я почувствовала, что безумно люблю этого человека напротив, хотя даже имя его мне неизвестно. Он поймал мой взгляд и стал жадно вбирать мои губы, словно это последний поцелуй в его жизни. Дальше воспоминания идут, как обрезки уже смонтированного фильма. Я помню боль и наслаждение, черное пальто подо мной, изумленное лицо бабки с мусорным ведром, которая заглянула в раскачивающуюся машину, и наш безумный, поистине сатанинский хохот.

Обратно мы ехали молча. Энергия была выжата до дна, и когда он подвез меня к дому, я с трудом заставила свои губы выдавить стандартное «увидимся ли мы еще?».

«Конечно, – сказал он с таким видом, как будто я спросила, правда ли, что за осенью идет зима. – Я сам тебя найду».

«Возьми, пожалуйста, мне он не нужен – протянула я ему стеклянного крокодила, к которому неожиданно почувствовала отвращение».

«Так всегда бывает после первого проникновения. Эту вещь необходимо оставить себе. Она – первая. Все последующие объекты страсти нежной ты можешь смело выкидывать в мусорное ведро».

Он хлопнул дверью, и машина исчезла в темноте навалившейся ночи.

Утром, как только я открыла глаза, то сразу оказалась под грузом повседневных забот. Мне даже показалось, что все вчерашнее – не более чем сон, вызванный перебором с коктейлями в Новой Голландии. Собираясь звонить секретарше, я заранее настроилась на гадкие новости. Верка своей кражей нанесла мне такой удар под дых, что я прекрасно понимала – едва ли моя фирма когда-нибудь оправится. В поиске телефона я полезла в сумочку и тут же с чувством гадливости отдернула руку. Там сидел стеклянный крокодил, поблескивая на меня наглыми выпуклыми глазами. Вмиг в голове всплыла предыдущая ночь, и я быстро засунула животное в шкаф для грязного белья.

– Что ты почувствовала в тот момент? Стыд, страх, восторг?

– Что угодно, но только не восторг. Так всегда бывает после белонгирования. Ощущения похожи на состояние жесточайшего похмелья. Когда ты с утра даешь себе зарок больше не пить, винишь в своих бедах все и вся и ненавидишь свое отражение в зеркале. И, конечно же, я подумала, что сошла с ума. Предательство Корецкого явно отразилось на моих ум-

ственных способностях. Это какой же идиоткой надо быть, чтобы украсть в кафе вазу, а потом заняться сексом на грязном пальто с совершенно незнакомым мужиком!

Господи, а вдруг я забеременела или, еще хуже, подцепила какую-нибудь дрянь? А вдруг бармен понял, что это я сперла вазу, и теперь дорога в мое любимое место мне заказана? – Мысли пестрели в голове, как мозаика в калейдоскопе. Я опять достала крокодила, дотронулась до его стеклянных глаз и неожиданно успокоилась. Я провела им по руке, а затем по всему телу, и он наполнил меня теплом. Каким-то образом он сообщил мне, что все в порядке. В благодарность за это чувство уверенности, которого мне последнее время так не хватало, я поставила ворованную вещь на самое видное место – на пианино, где стояла фотография мамы. Бедная мамочка сошла бы с ума от одной только мысли, что ее дочь – воровка, но я оставил вазу именно там.

– То есть ни тогда, ни потом ты не чувствовала вины за кражу?

– Вины? Нет, конечно. Это были МОИ вещи. Кстати, крокодил был один из немногих, кто давал силу и ничего не требовал взамен. Мне повезло с первым. Позже я поняла, что это довольно редкое явление и такие вещи можно буквально пересчитать по пальцам.

Глава вторая

Уже прошло целых три дня, как села последняя батарейка, а Иван Николаевич все не приходил. Арина даже попыталась через знакомых из Отдела Контроля Населения пробить по базе его адрес, но такой человек нигде не значился. Арина же не терпелось расспросить его поподробнее о странной пациентке. История была интереснее многих голливудских фильмов, которые ей доводилось прочитать. И главное, после разговора со стариком Арина стала замечать, что в ГКЦ далеко не все сотрудники так безоблачно счастливы, как стараются казаться. Словно при входе в Центр они доставали из карманов пальто улыбки и дружно натягивали их на лицо. Во время работы эти улыбки иногда сползали, словно чулки, купленные не по размеру, и тогда, испуганно оглянувшись по сторонам, они снова старательно подтягивали их на место. А на днях Арина нечаянно подслушала разговор двух женщин в туалете. Одна из них рыдала и говорила, что завтра у мамы день рождения и ей придется навсегда с ней проститься.

– Я не смогу жить одна, у меня всю жизнь был только один близкий человек – мама, – рыдала женщина, – я поеду с ней. Кто знает, что там за стеной? Может, все не так уж плохо.

– Тихо, Катерина, – успокаивала ее другая. – О чем ты говоришь? Ты еще молодая, найдешь себе мужа, заведешь детей.

– Каких детей? Ты издеваешься? Мне уже 27 лет, а по новому закону после двадцати пяти рожать запрещено. Так они сокращают популяцию населения. Сколько женщин уже умерло от абортот. У них ведь там ни электричества, ни стерильности нет. Как в Средневековье живем. Съела таблетку – избавилась от плода. А если не получилось, значит, сразу на тот свет за своим младенцем отправишься. Господи, за что все это нам? Я все же поеду с мамой. Все, что происходит здесь, – просто невыносимо.

– Там всюду смерть. Я знаю.

– Тома, откуда ты можешь что-то знать? Сидим тут, как крысы в банке, над которыми ставят жестокий эксперимент. А давайте-ка сократим электричество? А давайте-ка еще урежем паек еды? Выживут или нет? Вдруг в коммунах все по-другому? Мы могли бы с мамой выращивать овощи и ими питаться. Много ли надо двум женщинам?

– Тихо, успокойся. Нас могут услышать. Я скажу тебе одну вещь по секрету. Мой муж работает в Управлении. Они по очереди, по сменам выбираются за город. У Петербурга есть три деревни-донора. По договоренности они должны поставлять нам мясо, птицу, картошку и прочее. А наши их вроде как охраняют. Но муж говорит, что они ничего не успевают вырастить, так как постоянно держат оборону от гоблинов. Раньше там был постоянный сторожевой пост, но как-то ночью гоблины вырезали всех солдат, и после этого пост закрыли. Народу в деревнях гибнет много – кто на войне, кто от

болезней. В результате из пяти таких поселений-кормильцев два сожгли гоблины. Они перебили там всех людей, а некоторых, говорят, даже съели. А городская власть не смогла помочь деревенским, им самим бы хоть как-то продержаться. Поэтому даже не думай туда соваться, лишние рты никому не нужны. В лучшем случае будешь с утра до ночи землю копать.

– Я ни за что не оставлю там маму. Будь они все прокляты.

И вот однажды вечером в дверь раздался долгожданный стук. Дрелькин-муж с недовольным лицом спросил, не Арина ли ждет старика, который вот уже как полчаса околачивается под их окнами. Иван Николаевич с трудом дотащил огромную сумку до третьего этажа, упорно отказываясь от помощи девушки. Оказалось, что помимо гастрономических сувениров – кофе, курицы и плитки шоколада – старик принес еще и тяжеленный аккумулятор для заряда электричества. Пока Арина суежилась около печки, пытаясь вскипятить воду в ковшике для кофе, он поставил заряжаться батарейки. Иван Николаевич рассказывал о том, с какими сложностями ему удалось выменять на рынке аккумулятор.

– Не знаю, Ариночка, надолго ли его хватит. Мужик боился, что проработает без перебоев несколько лет. Но он, наверное, имел в виду электролампочки. Я же боюсь, что заряда на все кассеты может и не хватить. Как у тебя идет работа? Сильно устаешь?

– Я почти не сплю ночами. Не могу оторваться от экрана,

настолько все интересно. Ваша пациентка необычная женщина. Я никак не могу понять, придумала она все это или нет. Удивительная история.

– Всю жизнь моей работой было лечение разных психов. Я был уверен, что мой мир реален, а их выдуман. А в результате что мы имеем? Наш мир целиком и полностью перевернула с ног на голову обычная женщина, kleptomanka.

– Kleptomanka? Что это значит?

– Сейчас такой болезни уже нет, потому что мир вещей канул в Лету. Мозг человека больше никогда не заикнется на желании обладать чем-либо. Вот ты, Арина, хотела бы иметь кольцо из бриллиантов?

– Ограниченные алмазы? Наверное, хотела бы. Думаю, они немало стоят, и можно было бы на эти деньги купить продукты или новый велосипед. Мой достался мне от мамы и уже почти развалился.

– Нет, я имею в виду иметь вещь просто так, независимо от утилитарного использования. И не как денежную единицу. Иметь вещь просто потому, что она нравится.

– Я поняла. Это то, о чем рассказывает Несси. Я много об этом думала. Честно говоря, мне сложно ее понять, потому что я никогда не жила в мире живых вещей. Я почти сразу после рождения оказалась в музее, где много-много предметов из прошлого. Почти все они к тому моменту уже были бесполезны или использовались не так, как раньше, не по назначению. До сих пор помню стеклянных лебедей в шкафу.

Мама очень их любила, а я не понимала, что в них особенного, для чего они ей нужны. Она говорила, что много лет назад с ними в семье жила ее младшая сестра, которая однажды пропала. Ушла в школу и больше не вернулась. Они с папой искали ее везде, обращались в милицию, но так до сих пор никто не знает, что произошло. У нас в доме сохранилось много ее вещей. По ночам, когда никто не видел, мама могла часами сидеть на кухне, держать в руке стеклянного лебедя и плакать. Она очень была привязана к сестренке. Я видела ее фото, мы даже немного похожи.

– В мире живых вещей. Это ты здорово сказала. Они и правда были для нас как живые. Добрые рассказчики, хранители тайн и воспоминаний.

– Что все-таки значит kleptomания? Соседи, которые воруют мое молоко, тоже kleptomаны?

– Раньше была такая книга, куда записывались разные дурацкие рекорды человечества. Книга Гиннесса она называлась. Так вот там сказано, что самым большим предметом, украденным когда-либо kleptomаном (одним, без помощников), был пароход «Ориент Трейдер» грузоподъемностью 10 639 тонн. Летней ночью 1966 года некий мистер Н. Уильям Кеннеди, пробравшись в бухту залива Святого Лаврентия, что в Канаде, перерубил причальные тросы, и судно благополучно отдрейфовало к буксиру, стоявшему наготове. Этот факт занял свое место в Книге рекордов Гиннесса как самая гигантская кража человека, больного kleptomанией.

– Смешно. Только при чем тут kleптомания? Обычная кража. Очень дерзкая разве что.

– Вот и я про то же говорю. А у нас все, что ни попади, называли kleптоманией. Нашли модное слово и теперь втыкают куда надо и не надо. Сопрут палку колбасы в супермаркете и бьют себя кулаками в грудь – я, мол, kleптоман!

– Что сделают с колбасой? И где?

– Не важно. Я это к тому, что вор и kleптоман отличаются как небо и земля. В свое время я пытался доказать теорию взаимодействия человека и предметов и именно поэтому с таким рвением взялся за Несси. Признаюсь, что хотел одним выстрелом завалить двух зайцев сразу. Моя пациентка имела все – счета в банке, заботливого и богатого мужа, дома и квартиры. И вдруг, бац, такое несчастье. Наше подсознание иногда выкидывает с нами поистине дьявольские штуки. Я искренне хотел им помочь, тем более что они щедро за это платили. Я знал, что мир kleптомана, такой тонкий и сложно структурированный, лежит совсем в другой плоскости, нежели наш, привычный.

– Но она говорит, что не хотела ложиться в клинику, ее заставили.

Арине показалось, что старичок в замешательстве. Он вдруг засуетился, стал перебирать кассеты на столе.

– Что поделаешь, Ариночка, время было такое. Каждый тащил в свою нору все, что мог унести. Пришлось как-то договариваться со своей совестью. Ее муж пообещал мне по-

мещение в центре города под частную клинику. У него была волосатая лапа в Росимушестве.

– Лапа?

– Ну, так говорили про людей, у которых связи, позволяющие обойти закон. Какой-то там Петр Иванович или Иван Петрович. Не помню, как звали того черта. Этот Петрович делал вид, что берет старинный особняк для реставрации, выигрывал тендер, полностью его сносил, и выстраивали на том месте здоровенный бизнес-центр. Только стеночку старинную оставлял снаружи для отвода глаз. А деньги потом делил с городской администрацией. Да ты видела такие дома на Невском, они уже практически развалились. А старинные здания, до которых не успели добраться петровичи, и по сей день выглядят красиво, даже стали еще величественнее. Эти же, как прыщ на заднице города, прости господи. Так вот он мне пообещал в таком здании выделить подвальчик и помочь с рекламой.

– За то, что вы будете держать его жену в психушке?

– Ариночка, все это ошибки молодости. Я не хотел иметь с ним никаких дел. Он мне не нравился, а в такие моменты надо всегда прислушиваться к своей интуиции. Марат был страшный человек. Он смотрел на тебя молча, а ты уже прыгал как заводной зайчик, выполняя все его приказы и пожелания. Быть зайчиком-марионеткой было противно. И я нашел в себе силы отказать. Но эта сволочь прислала каких-то агентов к моей жене, которые напели ей про частную клини-

ку, о которой она всю жизнь мечтала. И двойного натиска я уже не выдержал. Я согласился взять ее на обследование.

– А зачем вы кололи ей лекарства? Это он велел?

– Конечно, медикаментозное лечение было одним из условий договора. Но тут моя совесть практически чиста, я старался не перебарщивать. И, кроме того, она действительно нуждалась в покое.

– Она иногда даже говорит с трудом. Словно грезит наяву.

– Арина, дорогая. Я знаю, что грешен. Но тебе не понять того времени, ты дитя совсем другой эпохи. Ты человек эпохи выживания, а я – процветания. И тогда грех считался нормой, мы все время заключали сделки – друг с другом, с государством, с совестью, с богом и дьяволом. Всеми двигала неутолимая жажда наживы. Ты осуждаешь меня, я знаю. Но посуди сама, что бы ты делала на моем месте. Вот я врач, мне привезли больного. Действительно сложный случай, пациентка на грани помешательства. А муж требует немедленного лечения и результата. Я делал все, что мог. Но он проверял меня каждый день, просматривал записи и был все время недоволен. Он что-то хотел услышать от нее такое, о чем я до сих пор не знаю. Марат требовал увеличить дозу, и я, рискуя жизнью, пошел на обман и постепенно заменил тяжелое лекарство на обычное успокоительное.

– Я бы спрятала эту женщину на вашем месте. Увезла бы в другой город. Ведь у вас была такая возможность, и деньги были.

– Ты рассуждаешь очень по-детски. Он бы убил нас обоих, и дело с концом. Но ты не подумай, что я был охвачен жадной денег. Это все из-за моей супруги, которую я очень любил. Я в то время был молодым ученым, подающим надежды. Мечтал внести свой вклад в мировую психиатрию, детально изучив удивительный случай kleптомании. На сегодняшний день эта сфера так и осталась в тени. Элементарно не хватает материала.

– В смысле, мало воруют?

– Воруют у нас, как всегда, много, даже больше, чем раньше. Но я говорю о совсем других материях, о манящем мире вещей и предметов. Так вот люди, которые были погружены в этот мир, никогда не рассказывали о нем подробно. Поэтому женщина, чью историю ты расшифровываешь, уникальна и неповторима. Она проводник из одного мира в другой. Она – та ниточка, которая может вернуть былую реальность обратно. И более того, Арина, ее судьба тесно связана с нами обоими.

– Я поняла. Вы хотите написать научную работу на тему kleптомании по этим материалам?

– Можно и так сказать. Обещаю, скоро ты сама все поймешь. Арина, милая, у меня к тебе большая просьба закончить все на этой неделе. Я говорил тебе, что меня скоро депортируют, и сейчас очень важно завершить расшифровку.

– Я узнала, что стариков и правда высылают в ближайшие деревни, где они помогают в коммуне по хозяйству. Правда,

дела идут у них плохо, еды на всех часто не хватает.

– Нет, милая девушка. Старики в коммуне не нужны. Они сбросят нас в яму, а потом скормят деревенским свиньям и собакам. Но не переживай. Когда рукопись будет закончена, мир изменится. Вещи вернутся домой.

Кассета 5

– На чем мы остановились?

– Ты украла вазу в кафе.

– Точно. Но тогда это еще было тем, что ты называешь «игра». На следующий день после кражи, кое-как приведя себя в порядок, я помчалась на работу, чтобы разгрести ворох накопившихся проблем. Секретарша с нескрываемой радостью сообщила, что клиенты отваливаются от нас, как гнилые груши, а большую часть из них переманивает к себе Верка. Странные существа эти женщины-подчиненные. Та же секретарша Ленка: разведенка, двое детей. Где еще она найдет такое теплое место, как в моей компании? Кто еще, кроме меня, согласится терпеть ее дурной нрав и бесконечные больничные? Так нет же, все равно завидует, стреляет глазами на мои украшения и одежду, мысленно плюет из окна на BMW и ненавидит меня всеми фибрами своей неудачливой душонки. «Уволю, змею, через неделю, как только закончит оформление сделки с конторой «Маркачян и сыновья», – устало подумала я и пошла в кабинет. Компьютер мерцал в темноте полупустыми таблицами, в которые раньше еле-еле влезала наша огромная база клиентов. К моему огромному огорчению, восстановить ее так и не удалось – как издевательство, остались только жалкие ошметки. Возможно, что у кого-то из сотрудников и был дубликат, но Верка его пе-

рекупила. Знаешь, они все меня терпеть не могли и теперь отыгрались сполна.

Я качалась из стороны в сторону на гнущемся немецком стуле и смотрела на телефон. Казалось, что он умолк навеки, хотя еще месяц назад у меня через пару часов работы пухло правое ухо, и я прикладывала к нему медную пепельницу в форме сердечка. Теперь это был единственный оставшийся подарок Корецкого. Телефон же поблескивал издали цифрами, отбивающими время, и не издавал ни звука. Я туманно припоминала события вчерашней ночи, которые казались мне эпизодом из фильма или фрагментом давно прочитанной книги. Лицо незнакомца в памяти почти не сохранилось. Я помнила только темные волосы, черные глаза и запах дорогого одеколона. Вся моя вчерашняя одежда пропахла им, и этот тонкий аромат запрещенного наслаждения я бы узнала из миллионов.

Из состояния апатичного оцепенения меня вывела Ленка-змея, которая сообщила, что какой-то мужчина просит меня к телефону.

«Как поживает ваше новое приобретение?»

«Маркачян, это ты, старый дурак?» – спросила я, но тут же поняла, что голос мне мало знаком.

«Нет, это не Маркачян, не Хачатурян и тем более не старый дурак. Это твой новый ангел-хранитель».

До меня дошло, что звонит вчерашний незнакомец, и у меня от волнения впервые в жизни перехватило дыхание.

Обычно в разговорах с мужчинами я чувствую себя как рыба в воде. Я плыву по течению деловой или игривой беседы, обходя рифы и постепенно подбираясь к жирным червякам на их удочках, чтобы незаметно проглотить наживку. Я знаю, как и о чем с ними надо говорить, за счет чего моя фирма когда-то очень преуспела. Но в тот момент я почувствовала себя преступницей, прелюбодейкой и черт знает кем еще и поймала себя на жутком желании бежать куда глаза глядят.

«Испугалась, да? – спросил голос. – А ведь я всего лишь хотел позвать тебя пообедать, у меня тоже скоро перерыв».

Я была уверена, что повторная встреча с этим сомнительным типом мне вовсе ни к чему. Но мне не хотелось думать, что я окончательно сдала и теперь начинаю дергаться из-за малейшей ерунды. Тетки-подчиненные заглядывали мне в лицо, пытаясь понять, как я переношу удар, но я улыбалась и делала вид, что снова на коне.

Он сидел за третьим столиком в «Макдоналдсе» и пил кофе, просматривая газету на английском языке. При входе на меня неожиданно снова нашел ступор и паника, и я, наподдав себе мысленных пинков, протиснулась к свободному стулу рядом с ним.

«Садись, – не отрываясь от газеты, кивнул он мне, – я купил тебе комплексный обед. Если эту американскую гадость вообще можно назвать обедом».

«Если тебе не нравится «Макдоналдс», мы могли бы встретиться в другом месте», – удивилась я.

«Мне нравится, что мне тут ничего не нравится», — загадочно ответил незнакомец, наконец оторвав глаза от газеты и чуть улыбнувшись. Это был совсем не тот тип мужчин, что мог бы меня заинтересовать. Он был небольшого роста, чуть повыше меня, коренастый и напряженный, как бойцовский пес. Казалось, что он отовсюду ждет удара и всегда готов к смертельной схватке с врагом. У него были глаза с еле уловимым восточным разрезом и черные как воронье крыло волосы. Пожалуй, в целом он был похож на ворона. Нос с горбинкой. А глаза, казалось, не только пристально смотрели на собеседника, но еще и успевали оценить все, что происходит в данный момент вокруг. У него были тонкие губы, и даже когда он улыбался, они лишь краями поднимались вверх, никогда не обнажая зубов.

Мы немного поболтали об отстраненных вещах, и я окончательно уверилась в том, что мне попался тот редкий экземпляр мужчины, у которого грань между любовью-ненавистью, серьезным-смешным, умным-глупым очень тонка. Протискиваясь сквозь смог недосказанности, я ощущала себя канатоходцем без страховки: в разговоре он был практически неуловим и абсолютно неуязвим. Особенную странность нашей встрече придавало то, что мы, двое солидных людей, сидели в «Макдоналдсе», словно пытаясь втиснуться в кукольный домик на детской площадке, чтобы полепить куличики. Дурацкий желтый клоун, который всунул нам разноцветные воздушные шары, окончательно подтвердил всю

нелепость ситуации. На все мои вопросы о себе Марат (а это был он, как ты уже, наверное, догадался) либо отшучивался, либо давал предельно сжатую информацию. С его слов я поняла, что он занимается ценным металлом, но как именно, он умолчал. Может, золото моет в горах, а может, медью торгует. Его бронь «о себе ни слова» была поистине непробиваема, и я, устав туда ломиться, стала рассказывать о себе. Глядя на Марата, на его тонкие и в то же время мужественные черты лица, я продолжала ловить себя на мысли, что он не слишком красив, невысок ростом, но в то же время способен очаровать хоть Мисс Вселенную, если ему это понадобится. Когда ему было надо, он умел тоннами извлекать из себя обаяние и остроумие. В случае со мной я ощущала, что он явно преследует какие-то сторонние цели, стараясь из всех сил произвести на меня впечатление. Но он мог даже не прилагать никаких усилий, потому что вчерашняя кража и все, что за ней последовало, сблизили нас плотнее, чем соседей по карцеру. Я рассказала ему про Корецкого, мое полное банкротство в любви и делах, про ураган и странные мысли, про дрожащие руки и многое другое. Не знаю, почему я это сделала. Наверное, на тот момент у меня не осталось никого, с кем можно было бы поговорить по душам. Он смотрел на меня теплым и чуть ироничным взглядом. Слушал и, главное, слышал, что случается слишком редко в наши дни. Он грыз картофель фри, давая этим понять, что все мои проблемы – суета сует, а вот сидит он, который мне поможет

кое-что понять, кое-что увидеть по другую сторону экрана. Маленькие детки – маленькие бедки, и я была для него всего-навсего глупой маленькой девчонкой, которая плачет из-за разбитых в кровь коленок во время игры в классики.

«Честно говоря, ты совершенно зря впала в депрессию по поводу своего бизнеса, поскольку слухи о могуществе Веры Андреевны и этого мурла Корецкого сильно преувеличены, – сказал он как ни в чем не бывало, вытирая губы буквой «М» на салфетке. – Я уже навел кое-какие справки и могу с точностью сказать: разбомбить этих липовых конкурентов – дело двух минут».

«Что значит, навел справки? И откуда ты знаешь их имена?» – обалдела я от такой прыти вчерашнего сообщника по похищению крокодила.

«Город у нас, милая Несси, не так уж велик, как кажется на первый взгляд, а круг деловых людей и вовсе малюсенький. И, как ты понимаешь, я в него вхож. Так что, извини за прямоту, найти информацию про твою контору было несложно. Тем более, ты давно находишься в центре внимания общественности. Скандал с похищением базы данных и маленькая потасовка возле банка стали хитом сезона. Ты там, честно скажу, выглядела не лучшим образом. Вела себя, как деревенская баба на базаре, которую обвесили на 100 граммов картошки. В следующий раз я не советую тебе марать руки обо всяких уродах. С твоими талантами достаточно только свистнуть, и этим займутся другие. Ну а визитку

ты сама мне дала в порыве страсти...»

Мне стало противно, как будто я заглянула в унитаз и обнаружила там всевидящее око видеокамеры. Ненавижу сплетни и интриги. Все, что делается за спиной. А этот типчик, похоже, был мастак копаться в чужом белье. От прежнего ощущения душевного комфорта не осталось и следа. Вместо него к горлу подкатила тошнота.

«Спасибо, Марат Александрович; во-первых, я свистеть не умею, а во-вторых, как-нибудь сама справлюсь со своими проблемами. И уж будьте добры, не наводите больше справки. Если что-то надо – спросите у меня, прямо и без долгих предисловий».

Я вышла из кафе на свежий воздух и решила прогуляться немного по парку, обдумывая навалившиеся дела. Видеть вчерашнего знакомого больше не хотелось. Когда жизнь начинает вертеться против часовой стрелки и ты чувствуешь, как все накопленное ранее превращается в труху, разочаровываться в людях приходится каждый день. Поэтому я не слишком огорчилась из-за того, что ночной гость при дневном свете оказался серой молю. Днем их так много копошится в пыли повседневности. Лучше наша единственная встреча так и осталась бы в виде глупой вазы на рояле. В старости она напоминала бы о том, что я не всегда была злобной старухой, потрясающей клюкой вслед пролетающим мимо глянцевым авто, что я тоже могла пускаться во все тяжкие.

Марат догнал меня в парке и сунул в руки огромный букет хризантем.

«Украли букетик на кладбище, Марат Александрович?» — съязвила я.

«Будем считать, что вы расквитались со мной этим за живописание вашей битвы титанов возле банка и сразу перейдем к делу. Итак, вы хотите вернуть свою базу данных или окончательно решили подарить ее вашей сопернице?»

«Она мне не соперница, — начала было я опять с ним пикироваться, но голос разума взял верх. — А что, собственно говоря, вы можете мне предложить?»

«Сделку. Я возвращаю вам банк данных и разгоняю фирму-конкурента».

«И чем я должна буду отплатить, сексом в автомобиле на грязном сиденье?»

«Такой юмор оставьте для прыщей, типа вашего супруга Корецкого. Суть сделки заключается в том, что мне, по роду службы, приходится постоянно ходить на всякие банкеты, фуршеты и прочие празднества. Ты обещаешь сопровождать меня везде и всегда, вплоть до дня рождения пекинеса моей тетки, до тех пор, пока я этого желаю. Если ты согласна, то можешь считать, что твоя фирма спасена».

«Служба эскорта? И кого я должна изображать? Жену или любовницу?»

«Смотря по обстоятельствам. При этом изображать никого не требуется. Ты вполне светский человек и впишешься в

любую компанию...»

* * *

– И ты заключила с ним сделку, ни секунды не сомневаясь?

– Он предложил мне очень выгодные, как казалось на тот момент, условия.

– Получается, что Марат втянул тебя в игру. Игру если не сексуального характера, то психологического. Как ни крути, но вы проводили своего рода эксперимент. Тебе не кажется, что кое-что не сходится? Зачем тогда он привез тебя лечить? Или он не знал, что все пойдет так далеко?

– Игра, игра. Можно и так сказать. Люди-пешки, люди-кони и ферзи. Вся наша жизнь игра, как говорил наш друг Вилли. Думаю, никто из нас не знал, куда это приведет. Марат, хоть и прикидывался гуру в мире вещей, на самом деле был чуть более зрячий, чем я. А то, что он сейчас там, а я здесь, так это тоже элемент так называемого эксперимента. Только не мы его проводим, а над нами проводят. До того как ЭТИ залезли в него, Марат был удивительным человеком. Я могу ненавидеть и проклинать его, но нельзя не признать, что он настоящий охотник. И в тот нелегкий жизненный период спасти мое захиревшее Я мог только такой «циник от бога», как он. Уже много позже, слушая его едкие высказывания о жизни, я удивлялась, каким образом это знание пришло к нему так рано, всего лишь в 35 неполных лет. В то время как большинство людей понимают весь абсурд, всю

нелепость бытия, уже стоя одной ногой в могиле. Осознают, что все, чем они так старательно занимались всю жизнь, обернулось не прекрасной картиной, которую можно украсить золотой рамой и повесить на стену в назидание потомкам, а беспорядочной и пошлой мазней дилетанта. Марат не стремился рисовать или вписывать себя в жизнь, он пытался делать все так, как ему хочется, и плевал на всех, кто думал иначе. Я тоже была или пыталась быть такой в период «до Корецкого», но потом что-то надломилась в хорошо отлаженном механизме моей души. И вот тогда я, как пиявка, присосалась к Марату, надеясь проникнуться его вселенским равнодушием, чтобы и дальше уверенно идти своей дорогой. Глядя на нас, все умилялись, какая прекрасная пара, не подозревая, что мы объединились, словно люди, больные редкой, неизлечимой болезнью, которую никто не в силах распознать, кроме них самих. Мы были хронически, с регулярными приступами абсцессии, больны вещами.

«Я искал тебя всю жизнь», – сказал он мне через неделю.

И это было правдой, потому что найти меня значило для него то же, что для невидимки вдруг увидеть свое отражение в зеркале. Шанс был один на миллион, но он случился. На первых порах тому случаю в кафе я совершенно не придавала значения. Ну, подумаешь, пьяная экстравагантная выходка, которая благополучно переросла в новый роман. Марат ничего не говорил по поводу украденного крокодила, и я постаралась эту историю замять, чтобы не позориться перед

ним лишний раз и не слушать его мерзкие подколки. Позже я узнала, что Марат был одним из самых богатых и влиятельных людей в городе, а может, и в стране. У него имелся ряд предприятий, связанных с переработкой цветных металлов, а на это, как я сразу поняла, можно было не только жить припеваючи, но еще и оставить наследникам на сто лет вперед. Моя фирма по производству окон и дверей, которой я так гордилась, была просто жалким обьедком по сравнению с куском пирога, который успел захватить мой новый друг. Марат был человеком слова, и вскоре фирму Верки и Корецкого закрыла налоговая полиция. Сгубила их все та же холуйская жадность. Если бы они ограничились только банком данных, то, скорее всего, их новоиспеченная контора окончательно бы меня разорила. Но они, судя по всему, хотели вдобавок получать дополнительные дивиденды за счет шантажа. Дело в том, что моя черная бухгалтерия находилась на том же винчестере, что и базы, и соответственно была также ими украдена. Прижать меня как следует или даже упрятать в тюрьму было делом одного дня. Они зря тянули. Я рассказала Марату, что Верка заодно стащила «чернуху», где значились все «нетрудовые доходы», то есть то, что проходило мимо носа налоговой службы и представляло для меня непосредственную угрозу. Но, к моему удивлению, он лишь радостно потер руки, дескать, дело в шляпе. Оказалось, что они не только не сменили пароль и ничего не закодировали, но даже не попытались спрятать мой винчестер в сейф. Ко-

гда с легкой руки Марата налоговая полиция припутала их с поличным (руки за голову, всем стоять на месте, ничего вокруг не трогать!), Корецкий тепленьким сидел прямо за столом, в ящике которого притаился мой спаситель.

Я помню, как в тот день Марат позвонил мне и сообщил, что враг разбит наголову, и если я хочу, то могу насладиться триумфом, когда их повезут на допрос. Я сказала, что не испытываю такого желания, и мне показалось, Марат немного обиделся. Как если бы я не оценила дорогого подарка, отшвырнув его в самый дальний угол комнаты. Но он был неправ. Я не захотела упиваться их унижением, потому что вся моя иссушающая разум ненависть ушла в ту ночь, когда я украла вазу. Пинать же и плевать в потрепанного Корецкого мне не хотелось. Нужно иметь уважение к своей любви, даже если она тебя переиграла и оставила в дураках. Что касается Верки (которую Марат, чтобы позлить меня, продолжал именовать соперницей), то она, в некотором роде, оказалась товарищем по несчастью. Я была уверена, что Корецкий, который был юристом и прекрасно осознавал, в какие игры играет, заранее предвидел такой исход. Я не сомневалась в том, что Корецкий как-нибудь да выкрутится, а значит, платить за все придется исключительно ей. Наш же альфонс поскачет дальше в поисках надежных женских плеч, за которыми можно будет спокойно существовать, ни о чем не думая.

– Скажи, Несси, когда ты заключала сделку с Маратом, ты подписывала какие-то бумаги, договора?

– Ты шутишь? Какой договор? На бессрочную службу эскорта в моем лице? Конечно, нет. На другой день после разгрома Корецкого Марат позвонил и напомнил о второй стороне сделки. Намечался банкет в честь пятидесятилетия одного знатного банкира, и мы были приглашены. Марат сказал, что это также будет замечательным поводом отпраздновать мою победу над врагами. Я судорожно стала копаться в своих вещах, надеясь найти хоть что-то приличное, и с большим трудом отыскала вечернее платье с огромным вырезом на спине. Говорят, что голая спина как-то особенно действует на мужчин, у них срабатывает внутренний природно-животный инстинкт. Наверное, хочется схватить за загривок и утащить в нору. Однако Марат, судя по всему, принадлежал к травоядным и не оценил мой сексуальный вид. Он заставил меня надеть скромное длинное серое платье, в котором я разве что могла сойти за жену инженера с завода «Красный котельщик».

«Привлекать лишнее внимание нам вовсе ни к чему. Особенно если учитывать, что появление со мной женщины впервые за последний год и так будет сенсацией вечера», – ответил он на все мои возражения, швырнув платье с воинствующим вырезом на пол.

Кассета 6

Юбилей «крестного папы» проходил в старинном особняке. Его дворянские стены и не помышляли сотню лет назад о том, что новорусский мафиозо, чьи предки крутили ковром хвосты в деревне Дунькин Пуп, скупит в округе все земли, включая могилу знаменитого графа. Непонятно, на что банкиру сдался покосившийся полуразрушенный склеп, но как мне шепнул на ухо Марат, стояли невзрачные руины со старинным покосившимся крестом целых 200 000 баксов. Склеп находился на земле, принадлежавшей одному деревенскому мужику. Там же стоял его бревенчатый старый домишко. Когда Илья Александрович закончил обустройство особняка, ему рассказали про местную реликвию. Похороненный поблизости граф, согласно легенде, был святым человеком. Он много помогал беднякам, создал школу для детей, брал сирот на воспитание к себе в дом. Поэтому на ту могилу люди и в наши дни приносили цветы. Особенно, если в семье кто-то заболел. Говорили, что, если попросить графа о чем-то от чистого сердца, – обязательно сбудется. Разумеется, мужичок не соглашался продать дом ни за какие деньги. Пришлось строптивца ночью поджечь, а потом предложить небольшую сумму за землю далеким родственникам с севера. Те, конечно же, с радостью согласились. Так банкир приобрел святое место. Говорят, что иногда по ночам

нынешний хозяин дворца вызывает дух графа, дабы проконсультироваться с ним по особо важным вопросам. Например, о курсе валют на ближайший год, о ценах на нефтяные баррели, о ситуации в Южной Корее, с которой он проворачивает какой-то бизнес. А также о дилемме – стоит ли грохнуть конкурента Гарбовского или пока подождать.

Подъезжая ко дворцу, я увидела вдали мерцание огней – млечный путь, стелющийся по земле до самых белокаменных колонн. Оказалось, вдоль подъездной дороги горели свечи, а через каждые два метра в тени на обочине стоял лакей с факелом в руке, следящий за тем, чтобы пламя свечей не гасло от порывов ветра. Огромная площадка перед домом напоминала выставку-продажу машин последних моделей, которые все прибывали и прибывали. Мы вышли из автомобиля и в сопровождении телохранителей пошли к центральному входу. Надо сказать, Марат ненавидел, когда амбалы маячили за спиной, и брал их только в случаях, когда это было необходимо для «комильфо». На пороге нас встретил радушный хозяин с женой и маленькой дочерью. Мы поздоровались. Марат меня представил, и я, не зная, куда деваться от стыда за свой убогий наряд (Марат сказал, что это будет обычная вечеринка в кругу друзей), первым делом побежала в уборную, чтобы привести себя в порядок. Приоткрыв дверь, я поначалу подумала, что ошиблась и попала в бальный зал, но в последний момент заметила на стене сверкающий фен для рук. Боже мой, я хотела бы остаться в этом

сортيره навсегда! Там был унитаз небесно-голубого цвета, который стоял на мраморном возвышении, будто трон. Вокруг него выпускали тонкий аромат кусты выющихся роз в больших горшках. Раковина в виде ракушки, казалось, была доставлена нелегальным путем из самого Эрмитажа. По крайней мере, что-то подобное я там встречала. Из одной раковины вода зеркальной струей перетекала в другую, потом еще в одну, чуть ниже, а затем уходила куда-то в пол. Потолок был зеркальный, пол хрустальный. Бедный-бедный мой друг, предприниматель М. Я поняла, каким убогим был его Замок-на-костях. И как смешно было это чувство гордости, которое наполняло его при взгляде на творение своих толстых и неумелых рук. Покружившись в зеркалах, я пошла на поиски Марата. Он уже стоял окруженный плотным кольцом мужчин и женщин, которые громко смеялись его шуткам. Я взяла бокал шампанского, который мне поднес официант, и направилась к ним. Большие приемы никогда не были для меня проблемой, я чувствую себя на них великолепно. Чужое внимание придает мне силы, питает дополнительной энергией. Странно, что многие боятся толпы. К примеру, моя подруга Верка при входе в любое помещение, где людей чуть больше, чем купающихся зимой на пляже, сразу превращается в соляной столб. Пару раз я брала ее на важные деловые приемы, надеясь, что она своими острыми мозгами поможет мне расширить бизнес, но вскоре поняла, что это бесполезно. Срабатывал ступор, из которого ее

не могло вывести никакое количество алкоголя. Позже она призналась, что боязнь толпы преследует ее с детских времен. Иногда родители при гостях выпихивали ее на середину комнаты и заставляли читать стихи. Верка потела, заикалась и путала не только слова, но и буквы, в результате чего папа ужасно злился и выгонял ее на кухню. Вскоре девочка старалась при появлении чужих людей из шестиметровой кухни и вовсе не вылезать. Когда же гости засиживались у них допоздна, Верка даже ночевала там, свернувшись калачиком на табуретках. С тех пор людские скопища представлялись ей радиоактивно опасной зоной, смертельной для собственного самолюбия.

Улыбаясь, я подплыла к Марату, и он представил меня своим знакомым. Женщины оценивали меня, делая вид, что пьют шампанское, мужчины взглядами поздравляли моего спутника. Я вела себя скромно, но в то же время пыталась завести побольше новых знакомств. Несмотря на недавнюю черную полосу, я была все еще владелицей двух фирм и надеялась расширяться и дальше. И, раз уж мне посчастливилось попасть на такой «сливочный комбинат» (так мы в своем кругу называли места, где толпами ходят важные – бумажные господа, знакомство с которыми всегда уникальный шанс), я максимально применила свою стратегию массового обаяния. Заключалась она в том, чтобы выявить среди незнакомой группы лидера, перекинуться с ним парой остроумных фраз и задать вопрос, на который он будет долго и с

удовольствием отвечать. Люди обожают о себе рассказывать, это их слабое место. Прикинься заинтересованной, время от времени подкидывая забавные реплики, как крепкие поленца в топку. Научись красивой подаче, даже если не умеешь играть в теннис, – говорила моя бывшая начальница. При этом о себе рассказывать надо весело, сжато и быстро. Слушать других они не любят. На окружающих женщин это не действовало. Впрочем, все они, как на подбор, были глупыми куклами, золотыми брелоками для богатеньких мужей. Мысленно я их называю мебелихи, женщины, которых используют исключительно в качестве красивого интерьера. А вот мебелихинские мужчины мной заинтересовались. Узнав, что я не домохозяйка и «шарю» во всех тонкостях бизнеса, они оживились вдвойне. Мы так увлеклись беседой, что я и не заметила, как осталась в кругу незнакомых мужиков совершенно одна. Марат же тихо и незаметно растворился в толпе. Помня о нашем договоре, я извинилась и, предварительно обменявшись визитками с некоторыми из нужных мне персон, пошла его искать. В конце зала, подсвеченная темно-синим светом софитов, располагалась небольшая сцена, на которой играл джазовый ансамбль. Я встала у столика на длинной витой ножке и, потягивая martini, рассматривала танцующие пары. Удивительно, но народу было не так уж много. Взглянув на автостоянку перед домом, можно было предположить, что здесь собралось как минимум полтысячи людей. Но очевидно, две трети приехавших на бал были те-

лохранителями, которых сюда не пустили, а остальные рассеялись по многочисленным комнатам. Лакей зажег на сцене огромные свечи, и атмосфера зала стала почти интимной. Марат бесшумно подкрался сзади и тихо спросил: «Не согласится ли милая дама на маленькую экскурсию по дворцу? Скоро будет фейерверк, и все по традиции пойдут гулять по парку, так что надо поторопиться». Его голос вдруг показался мне странно знакомым, так же как и сама ситуация. Удивительный приступ дежавю. Мы пошли по длинному коридору, вполголоса обсуждая моих новых знакомых, все дальше и дальше удаляясь от остальных гостей. Марат показывал мне дальние комнаты, интерьер которых был полностью восстановлен в точности так, как это было сто с лишним лет назад. Про этот дом он рассказал мне удивительнейшую историю. В эпоху вселенской резни и кровавых водопадов здание уцелело только благодаря тому, что в нем размещался военный госпиталь. В ином случае его бы нещадно грохнули только из-за одной лишь лепки на потолках – ее великолепное модерновое плетение было буржуазным плевком в лицо революции. Поэтому паркет содрали, фрески и лепку замазали и на этом успокоились. После Великой Отечественной войны дворец стал богадельней. За долгие годы здание обветшало донельзя и уже отдаленно не напоминало прекрасный особняк. Приблизительно в таком виде его и прикупил Илья Алексеевич в период перестройки. Старичков уплотнили в какой-то другой «пансион», а банкир развернул бурное стро-

ительство, подключив к нему всех знаменитых архитекторов и дизайнеров города. Однако этому предшествовала долгая и удивительная история. Марат рассказал, что Илья Александрович родился в последний год войны, а через три месяца матери пришло извещение, что его отец пропал без вести. Она до конца жизни не верила в его смерть, искала, ходила к гадалкам и прорицателям. В общем, всю жизнь ждала, несмотря на то что кто-то даже пытался к ней свататься. Маленькому Илюше она тоже привила мысль о том, что папа жив и вот-вот позвонит в дверь. Так они и жили, с этим ощущением бесконечного ожидания, пока Илья не плюнул на все и не уехал учиться в другой город. Вскоре мать умерла, так и не дождавшись мужа. Илья быстро раскрутился, завел свое дело, разбогател в смутное время, вовремя присосавшись к газовой трубе, и уже думать забыл про папашу, которого он и в глаза-то не видел. Он окончательно убедил себя в том, что мать зря теряла время в ожидание чуда, да еще вдобавок травмировала его детскую психику «сказками про папу», который вот-вот придет и сделает всех счастливыми. Иногда он даже думал о том, что отца у него никогда и не было. Ведь придумывают же матери-одиночки своим детям папу-летчика, который героически разбился, выполняя боевое задание. Так что вполне возможно, мать выдумала эту легенду, согрешив с кем-то из постояльцев, которым долгое время сдавала комнату. А потом сама так поверила в сказку, что прожила всю жизнь в томительном ожидании призрака. Сто раз про-

сил маленький Илюша показать хоть одну фотографию отца, но мать сразу же начинала горько плакать и говорила, что они все сгорели вместе с домом, который попал под бомбежку. Таким образом, Илья Алексеевич окончательно убедил себя в нелепости теории «мифического» отца и стал жить припеваючи, наращивая все новые и новые капиталы. И вот как-то раз звонит его старый приятель и говорит, что занимался проверкой благотворительных учреждений и наткнулся на данные одного старикана, который по возрасту, имени и фамилии вполне годится банкиру в отцы, или, по крайней мере, в ближайшие родственники. Илья Александрович, конечно, ошалел от такого известия, но вскоре пришел в себя и сломя голову понесся в тот город, где обнаружили однофамильца. За небольшую зеленую пачку банкнот директор богадельни выложил ему как на ладони все записи и архивы минувших лет, из которых выяснилось, что, действительно, этот старичок – его родной папа. Банкиру даже отдали письма его матери, которые она писала отцу во время войны, что снимало все сомнения насчет его существования. Выяснилось, что в конце войны Александр Балышев был тяжело ранен и ему ампутировали все конечности, кроме левой руки. Он не хотел возвращаться домой искалеченным обрубком, просил доктора выписать ему яд, но вместо этого его отправили в богадельню, где находились еще сотни таких же несчастных. Банкир с ужасом посмотрел на дряхлого старика в инвалидной коляске, который уже редко возвращался к

действительности, если вообще знал, что это такое. Это был его папа, которого они столько лет ждали. Его существование полностью опровергло спасительную теорию Ильи Александровича, и он вдруг начал ощущать уколы совести, что было совершенно ему несвойственно. Бизнесмен понял, что единственное, что он может сделать для того, чтобы искупить вину перед матерью, в интуицию которой он не верил, — это создать для отца под конец жизни хоть какие-то нормальные условия. Но врач сказал ему, что скорее всего старик не перенесет перемен, поэтому лучше его не трогать и оставить все как есть. Тогда банкир щедрым жестом выкупил здание богадельни, намереваясь сделать там евроремонт, бассейн и солярий для старичков-ветеранов. Однако, вскоре после того, как рабочие начали отдирать слои побелки на потолке, выяснилось, что сия богадельня — уникальный и великолепный архитектурный шедевр эпохи модерна. Илья Александрович, вмиг отрезвев (не зря же он считался денежным королем), понял, что очень выгодно вложил свои сбережения. Теперь, когда бриллиант уникальной формы и огранки сверкал перед его взором, чрезвычайно сложно было заставить себя закопать его обратно в землю. Души прекрасные порывы быстро завяли под напором разума и великолепия дворца. Владея на тот момент огромным капиталом, банкир мог бы оставить дом бедным и больным старикам, но тот манил его со страшной силой. Гораздо сильнее, чем мой стеклянный крокодил в Новой Голландии. Сильнее, чем секс, лю-

бовь и любые наркотики на свете. Прекрасный дом задушил последнее sorry Ильи Александровича перед родителями. В результате старичков инвалидов перевезли в другое место, а во дворце завертелась великая стройка. Отец Ильи Александровича, как и предсказывал директор богадельни, не вынес перемены места и вскоре скончался в полном одиночестве.

Когда Марат закончил свой рассказ, мы зашли в маленькую комнату, утопающую в бордовом цвете. Мебель, ковер, мягкий струящийся свет и даже книги на полках были подобраны строго в тон. Как только я вошла, то сразу заметила старинную курительную трубку на книжной полке. Она была еще теплой. Кто-то только что ее курил, потому что воздух был до краев наполнен тонким ароматом чернослива. Рассматривая рисунок на серебряной ручке, где Георгий Победоносец протыкал змеевидного дракона, я опять ощутила непонятную дрожь в руках. Марат мигом уловил произошедшую перемену и с интересом на меня посмотрел. Я поспешила положить трубку на место.

«Пойдем дальше, тут такой смог, что у меня голова начинает болеть», – сказала я, испугавшись знакомых симптомов.

«Ты уверена?» – спросил он, делая акцент на последнем слове.

«Да, пойдем скорее».

Мы двинулись дальше по коридору, утопая ногами в теплом ковре, но мысли мои остались в комнате, на полке рядом с трубкой. Руки дрожали, и я что-то говорила, совершенно

не слыша себя, словно в пьяном угаре. Мне было стыдно и хотелось рыдать от чувства собственной беспомощности и незащищенности перед постыдными желаниями. Я вдруг поняла, что крокодил в кафе не был случайностью, пьяной выходкой брошенной женщины. Это было наваждение, болезнь. История банкира... Марат не просто так рассказал мне ее. Начались вещевые «ломки», но закипающий мозг тут же придумал выход из положения. Незаметно я растрепала волосы и сказала: «Марат, я, кажется, потеряла заколку в той вонючей курительной комнате. Ты иди в парк, а я тебя догоню».

В порыве безумной страсти, сгорая от нетерпения, я бежала к заветному предмету, молясь, чтобы никто из гостей не зашел в комнату раньше меня. Только не хозяин трубки.

«Пожалуйста, пожалуйста, будь там. Жди меня», – молилась я про себя.

Притормозив на пороге, я сделала глубокий вдох и подошла к заветной полке. Слава богу, ОНА была там. Ее аромат все так же висел в воздухе невидимыми кольцами, заманивая и кружа. Я снова глубоко вдохнула, и, словно маленький смерч, сладкий запах табака проник в мои легкие, в мое сердце. Я взяла предмет в руки. Я гладила трубку, прижимала ее к лицу, пока чьи-то пальцы мертвой хваткой вцепились мне сзади в шею.

«Не смей мне больше лгать. Никогда, – выдохнул мне в ухо Марат. – Я сразу понял, что ты такая же, как я, поэтому

нам не нужно ничего скрывать друг от друга. Только ты и я можем понять, что для нас значат эти вещи».

Испуганно я положила трубку на место и метнулась было к выходу, но Марат взглядом заставил меня вернуться обратно. При этом мое сознание на мгновение раздвоилось, и я увидела себя со стороны. Женщина с распущенными волосами и горящими глазами отделилась от меня, схватила трубку и быстро спрятала ее в сумочку. Той секунды, что она подержала ее в руках, хватило для того, чтобы струя нежного тепла разлилась по всему телу. Я расслабилась и осела в бархатном кресле. Но Марат выдернул меня из него.

«Нет уж, изволь поделиться», – сказал он и задрал мне платье.

Этот секс не шел ни в какое сравнение с тем, в машине, впрочем, как и со всем другим, что было в моей жизни. Я грызла бордовую обивку и ухала в воздушные ямы наслаждения. В порыве страсти я хотела сказать Марату, как я люблю его, но мы поняли друг друга без слов. Его глаза говорили о том же. Полное проникновение двух сущностей, слияние грешников, вещей и чувств. После секса мы молча курили трубку, по очереди передавая ее друг другу. Но надо было спешить, поскольку в парке уже были слышны первые залпы фейерверка. Не явиться туда было бы оскорблением для хозяина. Кое-как приведя себя в порядок, мы поспешили к выходу. Сумка, где лежала украденная трубка, приятно согревала бедро и, проходя в коридоре мимо пальмы, я, как дев-

чонка, подпрыгнула и сорвала большой веерообразный лист.
«Успокойся, – одернул меня Марат, – до сих пор ты производила на моих знакомых хорошее впечатление, не стоит его менять».

Далее все происходило как во сне. Позже я поняла, что с непривычки после белонгирования была под легким кайфом. Жизнь искрилась и переливалась всеми цветами радуги. Давно я не была так счастлива. Пестрыми гирляндами отгремел фейерверк. Затем в Бежевый зал под названием «Столовая» принесли огромный торт. Он был сделан в виде того самого дворца, в котором мы были в настоящий момент, и, поедая одну из стен, я размышляла о том, что этот процесс может быть бесконечным. Мы едим торт-дворец, в котором веселятся маленькие богатенькие людишки. Они, в свою очередь, тоже в данный момент едят такой же торт с еще меньшими людишками, а те людишки, что самые большие и самые богатые, также едят нас всех сразу большой ложкой из огромной тарелки. Возможно, кто-то уже нацелился белыми, выровненными брекет-системой зубами на мою голову.

Потом мы до упаду танцевали, долго со всеми прощались и, наконец, оказались дома. Я открыла сумочку, чтобы достать ключи, и увидела серебряную трубку в отделении для денег. К тому моменту я абсолютно забыла про кражу в банкирской библиотеке, и черт подери, лучше бы я там обнаружила гадюку. До меня вдруг дошло, что я – не просто воров-

ка, которая зарабатывает на жизнь таким недостойным ремеслом. Нет, остатками трезвого разума я поняла, что я – больная, одержимая kleptomанка, которая в определенные моменты говорит и действует бесконтрольно, как лунатик. Ощущение было такое, будто на банкете меня опоили наркотическим зельем, вроде абсента, которое, с одной стороны, здорово веселит, а с другой – напрочь отбивает память. А значит, когда в следующий раз я украду что-нибудь более ценное, меня наверняка поймут, посадят в тюрьму или запрут в психиатрическую больницу. Самое ужасное было то, что я ничего не могла с собой поделать. То странное состояние, время от времени находившее на меня, не поддавалось ни разумному контролю, ни логическому объяснению.

Глава третья

Шестую кассету Арина дописывала, молясь на огарок свечи. Дорогуший аккумулятор, который принес старик, протянул только четыре дня. Арина сходила на рынок и на оставленные им деньги купила свечи. Она долго ходила между рядами, выбирая. Рынок на Шестой линии остался на том же месте, как и в прежние времена. Когда-то Арина вместе с мамой ходила туда за картошкой и зеленью для мясного супа. Арина родилась в самом начале Мирового кризиса, и некоторые детали былой жизни периодически всплывали у нее в голове. Мясо там продавали и сейчас, но девушке даже страшно было подумать, что это было за мясо. Рынком по-прежнему заправляли кавказцы, и, по слухам, в горных коммунах дела обстояли не так уж плохо. Оттуда привозили даже фрукты и овощи. Самое сложное было доставить продукты в Петербург, поскольку никакого сообщения между городами давно не было. Тем не менее в город эти продукты как-то попадали, хоть и стоили заоблачных денег. Например, килограмм помидоров стоил как вязанка дров, которую при хорошем раскладе хватало на месяц. На рынке было много перекупщиков, которые за полцены скупали у разведчиков или гоблинов вещи и продукты, принесенные из-за Стены. Арина порылась в коробке со свечами и нашла несколько штук докризисного периода. Это была редкость, потому что

в основном продавали переплав – старые свечи, сваренные по-новому. Они быстро сгорали, и фитиль был всегда некачественный – так и норовил выжечь свечку сбоку и тем самым укоротить ее жизнь. Поторговавшись немного, она отдала 50 купонов, прихватив на сдачу тридцать листов бумаги А4. Она не могла больше воровать их на работе, на нее и так уже косо смотрели. Бумага была смешная – с одной стороны чистая, а с другой был напечатан текст. Арине всегда нравилось ее покупать, это было как гадание по книге, никогда не знаешь, что попадется. На этот раз ей продали сказку про Машу и медведей. Мама рассказывала, что раньше были специальные дома, куда детей отдавали на весь день, чтобы они не мешали родителям работать. Судя по всему, эта сказка была оттуда. Текст был расписан по ролям, как для театра, а по бокам были смешные рукописные сноски: «Маша надевает платок и выходит из-за угла». Или – «Медведям не забыть надеть лапы!» Арина никогда не ходила в детский сад, но, судя по всему, это было очень интересно. Сейчас садов не было. Вместо этого в городе создали ЕЦП (Единый центр пенсионеров), где всегда можно было заказать старушку, которая бы посидела с ребенком. Это было бесплатно, так как входило в ее обязанности, семья должна была только кормить ее. Работать в ЕЦП было большой честью для стариков, поэтому они очень дорожили этой должностью. Но позволить прислугу или няньку могли себе немногие. У Арины в детстве тоже была нянька из ЕЦП, баба Галя. Баба Галя не

уставаляла повторять, что выдержала конкурс 30 старушек на одно место только потому, что никогда не пила, не курила и прошла все тесты на здоровье. Она водила девочку гулять по набережной и катала на санках. У няньки была толстая вязаная кофта из пушистого меха и очки с толстыми стеклами без одной дужки. Вместо дужки, которая давно сломалась, к очкам была привязана резиночка. Когда баба Галя надевала очки, чтобы почитать Арине сказку, она заправляла резинку за ухо, отчего оно оттопыривалось и смешило девочку. Арина была тогда совсем маленькая, но помнила, как мама плакала в коридоре и ругала правительство, когда бабу Галю отправили на пенсию. Стояла холодная зима, старушка простыла и без остановки кашляла. Раз в год нянькам нужно было заново получать лицензию, и на этот раз баба Галя не прошла конкурс. Мама хотела оставить старушку жить у них, но законом это было запрещено. Не помогли даже ее связи в комитете. Они забрали ее прямо у них дома. Из окна Арина видела, как бабу Галю посадили в машину и увезли. Очки на резиночке так и остались лежать заложенными в книжку «Алиса в стране чудес».

Арина заметила, что после работы над расшифровкой Ивана Николаевича воспоминания из далекого детства вдруг стали необыкновенно яркими. Иногда ей даже казалось, что сейчас она зайдет домой, а там мама на плите готовит блинчики. И уже из двора-колодца чувствуется их запах, а струящийся через желтые кухонные занавески свет даже хмурой

осенью кажется солнечным и уютным. Мечтая о блинчиках, Арина вошла в квартиру и споткнулась о большие грязные сапоги, небрежно брошенные при входе. Грязь налипла на них большими засохшими лепешками. На кухне сидел ее сосед Дима и с интересом крутил в руках видеокамеру. На маленьком экранчике продолжала рассказ пациентка старичка-доктора.

– Ты что делаешь? Выключи сейчас же, батарейку посадишь, – подлетела к нему Арина и выхватила камеру из рук.

– Клевая штука. Откуда у тебя?

– Мамина.

– А кто эта женщина?

– Дальняя родственница. Я искала кадры, где мы с мамой, но пока что не нашла. А батареек мало. Дай мне камеру, пожалуйста.

– Держи, – Дима протянул ей камеру. У меня скоро выплата. Я куплю батарейки и сниму тебя в кино. Ты выглядишь как настоящая актриса. Очень красивая. Особенно когда волнуешься.

– Спасибо. – Арина побыстрее спрятала камеру в ящик стола. – Ты напугал меня, как ты вошел?

– Я же слесарь, у меня набор инструментов. И пытливый мозг. – Дима горделиво похлопал по пластиковому чемоданчику, который стоял около него под столом. – Ты же не хочешь мне дать ключ, чтобы я мог больше не волноваться, что с тобой все в порядке? Ходишь одна по ночам, когда в городе

чрезвычайная ситуация. А я, между прочим, обещал твоей маме за тобой присматривать.

Арина почувствовала, что краснеет. Ее щеки всегда предательски полыхали в минуты неловкости и смущения. Сосед не слишком-то нравился Арине. И ей не нравилось, что теперь он вот так запросто, как муж, в любой момент может зайти к ней домой. Но они знали друг друга с детства, так как их родители дружили. Мама Арины устроила Диму работать в ГКЦ, и когда Арина осталась одна, Дима пришел к ней и сказал, что теперь он о ней позаботится. Он сказал, что поклялся ее матери никогда ее не бросать. Арина подозревала, что Дима сильно преувеличивает и никакой клятвы на самом деле не было, но как теперь избежать чрезмерного сближения, девушка не знала. И хотя против искренней дружбы с Димой она в целом ничего не имела – гораздо страшнее было остаться одной на всем белом свете (а именно так она чувствовала себя после смерти мамы), в плане личных чувств соседский мальчик ей никогда не был приятен. Дима был с малых лет ужасно избалован родителями, никогда ни в чем не уступал и чуть что – бежал на нее жаловаться. Пока их мамы чаевничали на кухне, он заставлял Арину играть в войнушку. Получилось так, что она сама научила его играть в «наших» и «фашистов» (фашистами ее няня называла всех негодяев, и Арина знала, что в прошлом это были самые жестокие люди на планете). Нянькина игра пришлась Диме по вкусу, особенно роли фашистов, пытаю-

щих своих жертв. Когда им было лет десять, он так больно вывернул Арине руку, что она стала его бояться. Мама удивилась, что девочка не хочет больше ходить в гости к соседям, но настаивать не стала. При этом мамы со смехом называли их «парочкой» и собирались в будущем поженить. До того, как произошла трагедия, Дима и Арина здоровались, если встречались в подъезде, но не более того. А потом он неожиданно быстро занял все ее личное пространство и вел себя так, будто имел на это полное право.

Год назад, когда холодной зимой Димины родители возвращались с дачи, их зарезали гоблины. Это было в самом начале беспорядков, до того, как в городе объявили комендантский час и стали расстреливать бродяг без суда и следствия. Тогда горожане еще были расслаблены и не ждали смерти за каждым углом. Чету Киреевых нашли на улице окоченевшими, с пробитыми головами. Арина долго сомневалась, но решила зайти к Диме домой, чтобы выразить сочувствие. Ее мама умерла уже давно, и она до сих пор плакала каждую ночь, горюя о ней. Когда Арина зашла в квартиру соседей, парень сидел на кресле, отвернувшись от нее, и неподвижно глядел в окно.

– Дима, мне так жаль твоих маму и папу. Они были чудесными людьми. Мама всегда говорила – какое счастье иметь рядом таких соседей. Я знаю, что ты чувствуешь. Это ужасно...

У Арины в горле стоял комок, она заплакала и обняла его

за плечи. Дима протянул ей бокал вина.

– Давай помянем наших. Все они жертвы этого страшно-го времени, кровавой мировой бойни, – сказал он хриплым голосом.

Арина редко пила алкоголь, но вино было таким необычайно сладким и вкусным, что она незаметно для себя выпила целый бокал.

Дима ненадолго ушел в другую комнату. Арина подумала, что, наверное, он не хочет, чтобы она видела его слезы. Бедный мальчик. Все же, пока родители живы, мы остаемся детьми в любом возрасте. А теперь им обоим придется взрослеть – быстро и болезненно. Арина уже три года как проходила через это состояние и до сих пор не могла с ним смириться.

Неожиданно из спальни заиграла громкая музыка, и Дима вышел к ней с широкой улыбкой и распростертыми объятиями. Он схватил девушку и закружил в танце. Арина была пьяна, ноги заплетались.

– Как ты прекрасна, как невинна. У тебя совершенно нереально тонкая талия, я думал, таких на свете не бывает. Знаешь, Арина, что я думаю про смерть наших родителей? Я думаю, что все к лучшему. Ведь теперь мы свободны. Никто не будет говорить нам, как жить, как дышать, что надевать на улицу. Можем танцевать хоть всю ночь напролет. И кстати, у отца остался неплохой запас вина, бутылок десять, а то и больше. Можем выпить его хоть весь. Честно говоря, я даже

рад, что так все получилось. Кто знает, сколько еще лет нам пришлось бы терпеть стариков, пока власти не решили бы отправить их за Стену.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.